

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЮ
НЕЗАВИСИМОСТИ ИНДИИ
(1947—1972)

DEDICATED
TO THE 25TH ANNIVERSARY
OF INDIA'S INDEPENDENCE
(1947—1972)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГЕ

ВЫП. XIV

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД
Книга 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

И. В. Сахаров

КРАТКИЙ ОЧЕРК ЭТНИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ИНДИИ

Национальный вопрос представляет собой одну из важнейших проблем, стоящих перед Индией в настоящее время, и всестороннее изучение своеобразной этноязыковой ситуации в этой многонациональной и разноязычной стране имеет огромное научное и практическое значение.

Этой проблеме посвящена обширная научная литература, изданная как в самой Индии, так и в ряде других стран. Не имея возможности привести здесь исчерпывающий библиографический список, отметим лишь, что важный вклад в изучение национального вопроса на Индостанском полуострове представляют, в частности, книги и статьи советских ученых — прежде всего А. М. Дьякова [9; 10; 11] и Ю. В. Ганковского [6; 7; 8].

Тем не менее многие аспекты этой сложной и многогранной проблемы остаются вплоть до настоящего времени малоизученными. В особенности это относится к пространственному аспекту этноязыковой ситуации. В то время как в подавляющем большинстве географических сочинений, посвященных Индии, этническим проблемам отводится неоправданно мало места (в качестве характерного примера можно привести капитальную монографию О. Х. К. Спейта [27]), в трудах об Индии, написанных негеографами (в том числе и этнографами), систематический региональный подход, как правило, недооценивается, а то и просто игнорируется (типичным примером может служить известная книга американского демографа К. Дэвиса [50])¹.

Можно констатировать, что региональный анализ национального вопроса в Индии и составление сводной картины этногеографии этой страны остаются еще не решенными задачами как зарубежной, так и советской науки.

Цель настоящей статьи кратко охарактеризовать некоторые основные особенности этнической географии Индии и в общей форме очертить круг вопросов, этногеографическое изучение которых представляется особенно актуальным.

---

¹ По существу, сводная этногеографическая картина страны дается (средствами картографии) лишь в весьма интересных и оригинальных картах, составленных М. Я. Берзиной [2; 3; 4; 5]. Однако они составлены по устаревшим и не очень точным данным, и в них отражены далеко не все аспекты этнической географии Индии. Известная же книга «Народы Южной Азии» [12], представляющая собой важный вклад в советскую этнографическую науку, при всем богатстве содержащегося в ней фактического материала, все же не может быть названа этногеографической работой.

Особенности этноязыкового состава населения Индии

Индийская демографическая и социальная статистика (это относится и к переписям населения) не содержит данных о национальной принадлежности жителей страны (за исключением «зарегистрированных племен»). Поэтому основным источником сведений о национальном (этническом) составе населения Индии служат данные о языках, являющиеся самым важным и, как правило, наиболее достоверным показателем этнической принадлежности из всех, которыми мы располагаем.

Изучение языковых данных переписи 1961 г. показывает, что национальный состав населения Индии характеризуется чрезвычайной разнородностью и пестротой. Страну населяет множество разнотипных этнических общностей — наций, народностей, племен и прочих этнических групп, отличающихся друг от друга по численности (от нескольких сот до нескольких десятков миллионов человек каждая), языку, происхождению, расовому типу, религии, уровню общественного развития и социальной структуре, экономическому положению, этнописическому складу и культуре, степени национальной консолидации и этнического самосознания, характеру расселения и другим признакам.

По данным переписи 1961 г., в соответствии с принятой в этой переписи языковой классификацией в Индии говорят по крайней мере на 187 одних только классифицированных индийских (не считая иностранных) языках, принадлежащих к четырем разным языковым семьям.

Впрочем, подавляющее большинство этноязыковых общностей Индии относится к категории весьма малочисленных — в совокупности они составляют небольшую часть населения страны. Так, из 187 языков 94, т. е. половину, составляют языки с числом носителей менее 10 тыс. человек каждый, и на них в совокупности говорит ничтожная часть жителей страны. В то же время здесь насчитывается двадцать три языка (включая в это число хинди, урду, бихари и раджастхани), которые в 1961 г. были указаны в качестве родного не менее чем 1 млн. человек каждый (табл. 1 и 2), причем совокупное число их носителей составляет свыше 427 млн., а их доля в населении Индии — 97,3%. Если же взять за основу не язык, а национальность, то только за пределами хиндиязычного ареала можно насчитать по меньшей мере двадцать пять народов численностью не менее 1 млн. каждый, из них одиннадцать (телугу, бенгальцы, маратхи, тамилы, бходжпурцы, гуджаратцы, майтхильцы, каннара, малаяли, ория и панджабцы) насчитывают более 10 млн. человек каждый, причем первые четыре указанных народа принадлежат к числу крупнейших народов мира.

Таким образом, бросается в глаза следующая важная особенность этноязыкового состава населения Индии: доля даже самого крупного населяющего эту страну народа (равно как и двух, трех, четырех ее крупнейших народов) во всем населении сравнительно невысока, и ни один народ и ни один язык в стране численно не преобладают над всеми остальными, вместе взятыми.

Носители хинди, урду, бихари и раджастхани. По данным переписи 1961 г., на первом месте по числу носителей стоит хинди: этот язык был указан в качестве родного 133 435 тыс. человек, что составляет 30,4% населения Индии. Сама по себе эта доля для первого языка страны сравнительно невелика. Впрочем, к численности хиндиязычного населения следует добавить тех жителей страны (23 324 тыс.), кто относит себя к говорящим на урду, так как, по мнению авторитетных

Распространение языков хинди и урду*

Штаты и союзные территории	Население, тыс.	Родной язык				Второй язык					
		численность говорящих, тыс.		доля в числе говорящих на этом языке во всей Индии, %		численность говорящих, тыс.		доля в населении данного района, %			
		хинди	урду	хинди	урду	хинди	урду	хинди	урду		
		хинди	урду	хинди	урду	хинди	урду	хинди	урду		
Уттар Прадеш	73 746	62 975	7 892	85,4	10,7	47,2	33,8	631	383	0,9	0,5
Мадхья Прадеш	32 372	25 272	7 140	78,1	2,3	18,9	3,2	1607	51	5,0	0,2
Бихар	46 456	20 581	4 149	44,3	8,9	15,4	17,8	1713	71	3,7	0,2
Западная Бенгалия	34 926	1 898	833	5,4	2,4	1,4	3,6	434	77	1,2	0,2
Орисса	17 549	220	213	1,3	1,2	0,2	0,9	139	—	0,8	—
Ассам**	11 873	524	11	4,4	0,1	0,4	—	275	—	2,3	—
Нагаленд	369	4	—	1,2	—	—	—	9	—	2,4	—
Панджаб***	20 307	11 299	256	55,6	1,3	8,5	1,1	472	444	2,3	2,2
Дели	2 659	2 057	153	77,4	5,8	1,5	0,7	122	61	4,5	2,4
Джамму и Кашмир	3 561	22	13	0,6	0,4	—	—	62	244	1,8	6,9
Химачал Прадеш****	1 351	144	6	10,6	0,5	0,1	—	136	10	10,1	0,7
Раджастан	20 156	6 715	510	33,3	2,5	5,0	2,2	169	45	0,8	0,2
Гуджарат	20 633	192	595	0,9	2,9	0,1	2,6	525	60	2,5	0,3
Махараштра	39 554	1 280	2 726	3,1	6,9	0,9	11,7	2436	90	6,1	0,2
Андхра Прадеш	35 983	1 139	2 554	0,4	7,1	0,1	10,9	301	333	0,8	0,9
Майсур	23 587	82	2 034	0,3	8,6	0,1	8,7	219	99	0,9	0,4
Мадрас (Тамилнаду)	33 687	39	616	0,2	1,8	—	2,6	30	36	0,1	0,1
Керала	16 904	7	9	—	—	—	—	35	2	0,2	—
Вся Индия (включая другие территории)	439 235	133 435	23 924	30,4	5,3	100	100	9363	2006	2,1	0,5

* Полсчитано по данным: [41; 44].

** В границах 1961 г. (в 1968 г. из состава Ассамы был выделен штат Мегхалая).

*** В границах 1961 г. (в 1966 г. Панджаб был разделен на два штата: Панджаб и Харьяна; часть территории передана Химачал Прадешу; из города Чандigarх образована союзная территория).

**** В границах 1961 г. (в 1966 г. к Химачал Прадешу была присоединена часть территории Панджаба).

Таблица 2

Распространение прочих крупных (число носителей не менее 1 млн.)
языков Индии *

Язык	Численность носителей данного языка в Индии в целом, тыс.	Основной район (штат или территория) распространения	Численность носителей этого языка в данном районе	Доля носителей данного языка, %		
				в населении данного района	в числе носителей данного языка во-всей Индии	
Телугу	37 668	Андхра Прадеш	30 934	86,0	82,1	
		Тамилнаду (Мадрас)	3 364	10,0	8,9	
		Майсур	2 047	8,7	5,4	
Бенгали	33 889	Махараштра	641	1,6	1,7	
		Западная Бенгалия	29 436	84,3	86,9	
		Ассам	2 089	17,6	6,2	
Маратхи	33 287	Бихар	1 221	2,6	3,6	
		Трипура	745	65,2	2,2	
		Махараштра	30 279	76,6	91,1	
Тамил	30 563	Мадхья Прадеш	1 260	3,9	3,8	
		Майсур	1 072	4,5	3,2	
		Тамилнаду (Мадрас)	28 016	83,2	91,7	
Гуджарати	20 304	Майсур	859	3,6	2,8	
		Керала	528	3,1	1,7	
		Андхра Прадеш	511	1,4	1,7	
Каннада	17 416	Гуджарат	18 673	90,5	92,0	
		Махараштра	1 102	2,8	5,4	
		Майсур	15 372	65,2	88,3	
Малаялам	17 016	Тамилнаду (Мадрас)	948	2,8	5,4	
		Махараштра	633	1,6	3,6	
		Керала	16 066	95,0	94,4	
Бихари	16 807	Тамилнаду (Мадрас)	404	1,2	2,4	
		Бихар	16 442	35,4	97,8	
		Орисса	14 443	82,3	91,9	
Ория	15 719	Мадхья Прадеш	389	1,2	2,5	
		Раджастхан	11 386	56,5	76,2	
		Мадхья Прадеш	1 612	5,0	10,8	
Раджастхани	14 933	Махараштра	629	1,6	4,2	
		Андхра Прадеш	584	1,6	3,9	
		Панджаб	8 343	41,1	76,2	
Панджаби	10 951	Джамму и Кашмир	978	27,5	8,9	
		Уттар Прадеш	419	0,6	3,8	
		Раджастхан	404	2,0	3,6	
Ассами	6 803	Ассам	6 784	57,1	99,7	
		Сантали	3 247	1 659	3,6	51,1
		Западная Бенгалия	1 141	3,3	35,1	
Бхили	2 440	Орисса	376	2,1	11,6	
		Мадхья Прадеш	876	2,7	35,9	
		Раджастхан	832	4,1	34,1	
Кашмири	1 956	Махараштра	441	1,1	18,1	
		Гуджарат	276	1,3	11,3	
		Джамму и Кашмир	1 938	54,4	99,1	
Гонди	1 501	Мадхья Прадеш	1 046	3,2	69,7	
		Махараштра	347	0,9	23,1	
		Синдхи	1 372	500	2,4	36,4
Конкани	1 352	Махараштра	341	0,9	24,9	
		Раджастхан	233	1,2	17,0	
		Гоа, Даман и Дчу	557	88,8	41,2	
Курукх (ораон)	1 142	Майсур	492	2,0	36,4	
		Махараштра	215	0,5	15,9	
		Бихар	549	1,2	48,1	
Кумауни	1 030	Мадхья Прадеш	276	0,9	24,2	
		Западная Бенгалия	221	0,6	19,3	
		Уттар Прадеш	1 028	1,4	99,8	
Непали	1 021	Западная Бенгалия	525	1,5	51,4	
		Ассам	215	1,8	21,1	

* Подсчитано по данным: [44].

лингвистов, этими двумя терминами обозначаются языковые формы, мало отличающиеся друг от друга. Для совокупности языковых форм, объединяемых терминами «хинди» и «урду», известный индийский лингвист А. Р. Келкар предложил весьма удачный, на наш взгляд, общий термин «хирду» [55]; быть может, еще более удачным был бы термин «хирдустани». В итоге общее число говорящих на хирду, по данным переписи 1961 г., составляет 156 882 тыс. человек² — 35,7%, т. е. немногим более трети жителей Индии.

Заметим также, что, как показывает табл. 1, в качестве второго языка хирду владеет лишь 11 369 тыс. человек (т. е. лишь 2,6% всего населения). Хирдуязычное население сосредоточено главным образом в северной и центральной частях страны (штаты Уттар Прадеш, Мадхья Прадеш, Бихар, Хариана, Химачал Прадеш, а также Дели [29; 30]).

Этот огромный по численности народ (или, вернее, совокупность нескольких крупных родственных друг другу этнических общностей) известен в литературе под названием «хиндустанцы» или (термин П. А. Баранникова) «хиндийцы». Следуя языковому термину А. Р. Келкара, можно предложить еще один этноним — «хирдустанцы», который представляется нам более удачным.

Здесь необходимо подчеркнуть, что, с одной стороны, действительная численность носителей хинди и урду в 1961 г. была явно завышена, а с другой — сами хирдустанцы отличаются большой этнолингвистической разнородностью.

Завышение числа хирдуязычного населения было особенно значительным за счет тех, кто фактически говорит на языках, отнесенных к группам бихари и раджастхани. Например, основную массу населения Бихара составляют бходжпуры (они населяют также восточную часть Уттар Прадеша), майтхилицы и магахи, численность которых в Индии в 1961 г., по примерной оценке В. А. Чернышева [28, 88], составляла соответственно свыше 28 млн., более 17 млн. и около 9,5 млн., итого примерно 55 млн. Разговорными языками этих народов служат бходжпури, майтхили и магахи — родственные хирду языковые формы, которые, по мнению многих лингвистов, представляют собой самостоятельные языки, объединяемые в группу *бихари*.

Чрезвычайно важной особенностью этноязыковой ситуации в Бихаре и районах, расположенных к западу от него, является то, что подавляющая часть населения имеет здесь весьма смутное представление о своей этнической принадлежности и даже о правильном названии своего языка.

Между тем, поскольку данные о языках, собираемые во время переписей, служат фактически единственным официальным источником сведений о языковом составе населения Индии, этим данным в стране придается огромное значение (это объясняется, в частности, тем, что в независимой Индии языковой состав населения стал общепризнанным критерием реорганизации административно-территориального устройства). Характерной особенностью общественной жизни Индии стала пропаганда и контрпропаганда в пользу того или иного языка по политическим, религиозным и иным мотивам. Эта агитация, естественно, активизируется как раз в период подготовки и проведения очередной переписи, что нередко накладывает отпечаток на поведение

---

² В это число включены также 123 тыс. человек (из них 101 тыс. в Уттар Прадеше), которые указали в качестве своего родного языка хиндустани; это название, несомненно, обозначает либо хинди, либо урду, но какой из них именно — работникам Службы переписи оказалось невозможным установить.

населения и на характер полученных статистических данных. Низкий уровень этноязыкового самосознания, характерный для бихарцев, делает их особенно сильно подверженными воздействию языковой агитации. Поэтому, например, одних и тех же майтхильцев можно сравнительно легко убедить указать в качестве своего родного языка как майтхили (на котором они в действительности говорят), так и хинди (если это индусы) или урду (если это мусульмане), хотя на самом деле этими языками (в их «стандартной» литературной форме) они могут и не владеть.

В соответствии с установившейся традицией ответы опрашиваемых на вопросы счетчиков фиксируются как они есть, независимо от того, соответствуют они действительному положению вещей или нет. В результате во многих случаях влияние чисто конъюнктурных и, во всяком случае, внелингвистических факторов (таких, как возникновение территориальных споров между штатами, обострение религиозных разногласий и т. п.) было настолько сильным, что собранные в Бихаре во время переписей данные о языках оказывались сильно искаженными, а то и вовсе не соответствовали действительности. Нередко одни и те же лица при проведении переписей в разные годы называют в качестве родного языка разные языки. Так, в результате пропаганды в пользу языка хинди значительная часть населения Бихара в какой-то степени восприняла идею принадлежности своих разговорных языков (бходжпури, магахи, майтхили) к хинди и из десятилетия в десятилетие во время проведения переписей до 1961 г. включительно в ответ на вопрос о родном языке указывала именно хинди. В 1951 г. 31,4 млн. из 38,8 млн. жителей Бихара (т. е. 81,0% населения штата в его нынешних границах) назвало в качестве родного языка не один из языков группы бихари, на которых они фактически говорят, а язык хинди, 2,6 млн. человек (6,8% населения) — язык урду, а бходжпури, магахи и майтхили, вместе взятые, указали лишь 112 тыс. человек.

Однако прошло лишь десять лет, и во время переписи 1961 г. значительная часть тех самых людей, которые еще в 1951 г. утверждали, что их родной язык — хинди, а именно 16,4 млн. человек (т. е. 35,4% населения Бихара) вместо 112 тыс., отнесла себя к говорящим на одном из бихарских языков: на бходжпури (свыше 7,8 млн.), майтхили (почти 5 млн.) и магахи (более 2,8 млн.) [44, XXXVIII—XLIII].

Впервые в истории индийских переписей собранные данные о языках бихари в какой-то степени отразили реальную этноязыковую ситуацию. Материалы переписи 1961 г. свидетельствуют о том, что среди основных этнических групп Бихара — бходжпурцев, майтхильцев и магахов — развивается и крепнет сознание отдельности своих языков — процесс, несомненно отражающий рост их национальной консолидации. Правда, до сих пор этноязыковое самосознание этих трех народов все же развито довольно слабо и отличается неопределенностью и даже неустойчивостью. Об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что даже в 1961 г. значительная часть бходжпурцев, майтхильцев и магахов назвала в качестве своего родного языка хинди или урду (численность и доля урдуязычного населения по сравнению с 1951 г. даже возросла). Однако, судя по данным переписи 1961 г., в направлении и результатах этнических процессов сомневаться не приходится, и можно предположить, что дальнейшие переписи покажут усиление позиций бходжпури, магахи и майтхили за счет еще большего сокращения числа и доли тех, кто считает своим родным языком хинди.

Итак, данные о численности хирдуязычного населения в Бихаре

преувеличивают численность хирдустанцев. Сходная картина наблюдается также в Восточном Уттар Прадеше, в Раджастхане и некоторых других районах страны.

Более того, собственно хирдустанцы ни в лингвистическом, ни в этническом отношении тоже не представляют собой единое однородное целое. Хотя в ареале распространения собственно хирду одна перепись за другой фиксируют почти повсеместно абсолютное преобладание хинди (при наличии в некоторых районах значительной прослойки говорящих на урду), эта картина обманчива. Абсолютное преобладание хирду скрывает имеющееся здесь значительное этнолингвистическое разнообразие. Так, по мнению ряда авторитетных лингвистов, совокупность родственных друг другу языковых форм, объединяемых термином «хирду», представляет собой не один, а минимум два языка (по терминологии Дж. А. Грирсона, «западный хинди» и «восточный хинди») [см. 52, т. VI и т. IX, ч. I], которые, в свою очередь, распадаются на ряд крупных диалектов, отличающихся друг от друга (авадхи, чхаттисгархи, багхельханди и т. п.) и тоже квалифицируемых многими лингвистами не как диалекты, а как хотя и близкородственные, но все же самостоятельные языки.

При этом специфика (и особая сложность) этноязыковой ситуации в зоне хирду состоит в том, что здесь весьма распространено явление лингвистической и этнической территориально непрерывной переходности [26]. На огромной территории великой Индо-Гангской равнины и в соседних с нею районах — от Бихара на востоке до Панджаба на западе — нередко одни разговорные языки и диалекты местного населения переходят в другие постепенно и незаметно, через серию промежуточных языковых форм. Характерна в этом отношении следующая распространенная в зоне хирду поговорка: «Через каждые семь косов³ язык меняется».

Точно так же постепенно, через ряд промежуточных форм, от района к району, от одной местности к другой переходят друг в друга и разные этнические общности. Например, два территориально наиболее удаленных друг от друга народа — майтхильцы на востоке Бихара и панджабцы в Панджабе — резко отличаются друг от друга по своему этническому облику, но между ними протянулась длинная «цепочка», каждое звено которой мало отличается от своих соседей. Случаи такой этнической и особенно языковой территориально непрерывной переходности встречаются в Индии и за пределами Индо-Гангской равнины, а также в некоторых других странах, однако нигде в мире такое явление не наблюдается на столь обширной территории и не охватывает столь многочисленное население.

В конечном счете по ряду объективных признаков это «расплывчатое разнообразие» в зоне хирду можно свести к нескольким крупным этническим общностям (авадхи, чхаттисгархи, хариани и т. п.), которые, в свою очередь, подразделяются на ряд субэтнических групп, что, однако, не находит почти никакого отражения в языковой статистике⁴. В значительной мере это объясняется тем, что уровень национальной консолидации данных общностей крайне низок, их этнолингвистическое самосознание характеризуется неразвитостью, расплывча-

³ Кос — мера длины, равная приблизительно 4 км.

⁴ Одним из редких исключений оказались данные 1961 г. о языковом составе населения дистрикта Дург (Мадхья Прадеш): 91,7% жителей этого дистрикта отнесли себя к говорящим на чхаттисгархи [44, стр. LXV, 11]. Не являются ли эти данные показателем начавшейся тенденции роста этноязыкового самосознания чхаттисгархов? Ответ на этот вопрос, быть может, даст перепись 1971 г.

тостью и неустойчивостью в еще большей степени, чем у бихарцев. Во всяком случае, чувство этнической принадлежности как к «хиндустанцам», или «хирдустанцам», так и к авадхам, чхаттисгархам и т. д. среди широких народных масс развито очень слабо или даже, по существу, отсутствует и заменяется просто сознанием чисто локальной принадлежности.

Таким образом, приходится констатировать (и в этом состоит одно из самых слабых мест индийских переписей), что ни одна из переписей населения (включая и перепись 1961 г.) пока что не смогла отразить реальное этноязыковое разнообразие, наблюдающееся в ареале хирду. До сих пор в нашем распоряжении нет достаточно точных и достоверных данных ни о численности носителей различных языков и диалектов группы хирду, ни о числе и взаимной таксономической соподчиненности населяющих этот ареал этнических общностей и численности каждой из них, ни о характере и направлении этнических процессов, весьма сложных и неопределенных. В частности, имеющиеся материалы не позволяют с уверенностью судить о том, консолидируются ли, сольются ли различные местные этносы в единую хирдустанскую нацию, или же здесь сформируется несколько разных наций (и если так, то сколько и какие именно).

Особенно неполноценны имеющиеся статистические данные с точки зрения потребностей пространственного анализа этноязыковой ситуации. Данные, публикуемые переписями, не дают нам возможности сделать определенные выводы ни о порайонном расселении отдельных этнических групп хирдустанцев, ни о характере внутренних этнолингвистических рубежей в зоне распространения хирду. По существу, мы можем судить лишь о расположении «ядер» существующих или складывающихся здесь национальных районов, но не о площади и конфигурации этих районов, этническом составе их населения и о характере этноязыковых рубежей между ними. Можно лишь констатировать, что между ядрами этих районов (равно как и на периферии всей зоны распространения хирду) расположены довольно обширные этнически смешанные или этнически переходные (гибридные) территории.

Иными словами, современная этническая география Хиндустана и Бихара известна нам в самых общих чертах. Поэтому здесь нельзя не вспомнить слова А. Р. Келкара: «Если в том, что касается хирду, что-нибудь и ясно, так это то, что ничего не ясно» [55, 19—20], которые можно с полным правом приложить не только к языковой, но и к этнической ситуации в зоне хирду.

Очевидно, неспособность переписей выявить и зафиксировать действительное положение вещей в рассматриваемом ареале заложена в самих принципах сбора данных и сохранится до тех пор, пока не произойдут какие-то сдвиги в этноязыковом самосознании населения, говорящего на языках и диалектах группы хирду.

Поскольку традиционный метод пока не дает удовлетворительных результатов, путь к выяснению реальной этноязыковой ситуации здесь, с нашей точки зрения, лежит в применении других методов сбора данных. Мы имеем в виду осуществление в зоне распространения хирду (в Уттар Прадеше, Мадхья Прадеше, Хариане, Раджастане, Бихаре и некоторых других районах) специальной дополнительной переписи или особого выборочного опроса. Так, можно было бы предложить жителям этих районов ответить на вопросы специального опросного листа, содержащего, в частности, наводящие вопросы, которые побудили бы опрашиваемых дать необходимую информацию (анкета могла бы содержать, например, тщательно составленный список воз-

можных разновидностей хирду — названий языков, диалектов, субдиалектов и других языковых форм, чтобы каждый опрашиваемый мог указать одно или несколько названий своего родного языка, вопрос о других возможных названиях данного языка и т. д.). Сбор этих материалов потребовал бы сравнительно небольших дополнительных расходов, если бы был осуществлен силами сотрудников Ведомства Генерального регистратора Индии в рамках очередной переписи населения; его можно было бы провести также и в период между переписями.

Еще больший эффект, разумеется, дали бы непосредственные полевые экспедиционные исследования на местах, в специально отобранных (по принципу репрезентативности) опорных пунктах, расположенных минимум по одному в каждом дистрикте страны. Однако размах таких исследований должен быть столь велик и для их осуществления потребовалось бы привлечение столь большого числа специально подготовленных работников, что трудно ожидать осуществления такой программы в ближайшие годы.

Все же здесь хотелось бы отметить, что в Индии, очевидно, нет ни одного другого учреждения, которое в организационном и иных отношениях было бы лучше приспособлено для выполнения этой задачи в масштабах всей страны, чем Ведомство генерального регистратора, имеющее территориально разветвленную и в то же время централизованную структуру, располагающее штатом опытных и квалифицированных сотрудников и целой армией добровольных помощников-энтузиастов. Поэтому можно надеяться, что со временем этнолингвистические исследования в ареале хирду, как и в других районах страны, будут проведены в рамках намеченной Отделом языков Службы переписи монументальной программы составления Общеиндийского свода социолингвистических данных [13], который призван дать объективную научную картину этноязыковой ситуации в стране.

Прочие народы Индии. Что же касается большинства других народов страны, то данные индийских переписей достаточно репрезентативны, чтобы сделать более определенные заключения о численности этих народов.

Народы, населяющие те области Индии, которые лежат за пределами ареала распространения хирду, бихари и раджастанхали или на периферии этого ареала, можно разделить на две группы.

К первой из них можно отнести народы, обладающие относительно высоким уровнем социально-экономического и культурного развития: бенгальцы, маратхи, тамилы, гуджаратцы, телугу, каннара, малаяли, ория, панджабцы, ассамцы, кашмирцы, синдхи и некоторые другие. Почти все они представляют весьма крупные нации, насчитывающие, как правило, не менее 10 млн. человек каждая, а некоторые из них принадлежат к числу крупнейших народов мира. Собственно говоря, бходжпурцы, майтхильцы и другие крупные этнические общности Северной и Центральной Индии, о которых говорилось выше, тоже могут быть включены в эту группу, но в качестве ее особой подгруппы, так как в отличие от этнически расплывчатых и неформившихся народов Хиндустана, Бихара и Раджастанхана почти все прочие народы рассматриваемой группы представляют собой вполне сложившиеся нации, обладающие высоким уровнем национальной консолидации и весьма развитым (иногда даже обостренным) национальным самосознанием. Соответственно в отличие от хирдустанцев, бихарцев и раджастанханцев данные о языках других народов рассматриваемой группы в большинстве случаев отражают действительное положение вещей и позволяют

судить о численности соответствующей нации и ее размещении на территории страны⁵.

Ко второй группе народов можно отнести своеобразную прослойку населения Индии — многочисленные народности и племена, как правило, потомки древнейшего населения Индии, называемые здесь обычно «адиваси» (что значит «первопоселенцы»). В общественном строе большинства из них в той или иной степени сохранились пережитки родо-племенных отношений (впрочем, у ряда этнических групп адиваси под влиянием внутреннего развития и контактов с окружающими народами процесс разложения родо-племенных отношений зашел довольно далеко, и некоторые из них, особенно самые крупные, стоят на пути превращения их в нации). Для многих адиваси характерны своеобразные формы хозяйственной деятельности, особые черты материальной и духовной культуры.

Учитывая, что в целом по уровню развития адиваси уступают другим народам страны, и стремясь создать для них благоприятные условия для преодоления отсталости, парламент Индии законодательным путем предоставил адиваси особый социально-правовой статус: по Конституции подавляющее большинство этих этнических групп отнесено к категории «зарегистрированных племен». Благодаря этому переписи населения фиксируют не только языковую, но и этническую их принадлежность, и поэтому о численности этих народов мы располагаем точными сведениями, независимо от того, на каком языке они говорят. Многие народы этой группы вообще изучены в научной этнографической литературе гораздо лучше, чем ряд народов первой группы.

О совокупной численности адиваси и их доле во всем населении по штатам и союзным территориям дает представление табл. 3. При этом перепись обнаруживает значительное несоответствие между численностью некоторых «зарегистрированных племен» и численностью тех, кто указывает в качестве своего родного соответствующий племенной язык. Такого рода данные обычно отражают реальную этноязыковую ситуацию среди адиваси. По данным переписи 1961 г. [45], племенные языки в целом указало в качестве своего родного лишь 16,6 млн. из 29,9 млн. адиваси (т. е. лишь 55,9%), а некоторые группы адиваси полностью утратили свои национальные языки и перешли на язык соседей. В Мадхья Прадеше, например, к говорящим на племенных языках отнесло себя лишь немногим более трети адиваси [подсчитано по данным: 46].

По количественному признаку этнические общности группы адиваси иногда относят к группе малых народов. Действительно, численность большинства их не превышает 10 тыс. человек, немногие из них насчитывают более 100 тыс. и лишь шесть (табл. 4) насчитывают более 1 млн. человек. Но хотя к первой группе принадлежат в основном крупные, а ко второй — в основном малые народы, некоторые этнические общности второй группы — бхилы, гонды, санталы и др. — превосходят по численности некоторые народы первой группы, прежде всего кашмирцев и синдхов. Таким образом, подразделение двух указанных групп по чисто количественному признаку (что иногда делается в научной литературе) не только весьма условно, но и неточно.

---

⁵ К редким исключениям из этого правила относятся данные об этнолингвистическом составе населения Ассама (есть основания предполагать, что в 1951 и 1961 гг. переписи преувеличили численность ассамцев за счет бенгальцев), Харианы, Панджаба и Химачал Прадеша (где, по-видимому, часть населения, говорящего на панджаби, отнесла себя к говорящим на хинди) и некоторых других районов.

Таблица 3

Численность «зарегистрированных племен» и распределение их по талукам (или эквивалентным им административно-территориальным единицам), в которых они составляют большинство населения (1961 г.)*

Штаты и территории союзного подчинения	Общая численность населения, тыс.	Численность адиваси, тыс.	Доля адиваси во всем населении, %	Число талуков, где адиваси составляют не менее 50% жителей	Численность адиваси в этих талуках, тыс.	Доля адиваси, проживающих в этих талуках, в общей численности адиваси в данном штате или территории, %
Андхра Прадеш	35 983	1 324	3,7	6	321	24,2
Ассам	11 873	2 068	17,4	18	1 098	53,2
Бихар	46 456	4 205	9,1	67	2 505	59,6
Гуджарат	20 633	2 754	13,4	28	1 875	68,1
Джамму и Кашмир	3 561	—	—	—	—	—
Керала	16 904	208	1,2	—	—	—
Мадхья Прадеш	32 372	6 678	20,6	38	3 906	58,5
Тамилнаду (Мадрас)	33 687	253	0,8	1	14	5,5
Махараштра	39 554	2 397	6,1	14	798	33,3
Майсур	23 587	192	0,8	—	—	—
Орисса	17 549	4 224	24,1	64	2 567	60,8
Панджаб	20 307	14	0,1	2	14	100,0
Раджастхан	20 156	2 309	11,2	—	—	—
Уттар Прадеш	73 746	—	—	—	—	—
Западная Бенгалия	34 926	2 058	5,9	2	63	3,1
Андаманские и Никобарские о-ва	64	14	22,2	2 (острова)	14	99,9
Дадра и Нагар Хавели	58	51	88,4	—	—	—
Дели	2 659	—	—	—	—	—
Гоа, Даман и Диу	627	—	—	—	—	—
Химачал Прадеш	1 351	108	8,0	5 (тахсиллов)	60	55,6
Лаккадивские, Миникой и Аминдивские о-ва	24	23	97,0	10 (островов)	23	100,0
Манипур	780	249	31,9	5 (субдистриктов)	233	93,5
Нагаленд	369	344	93,1	9 (субдистриктов)	344	100,0
Северо-Восточное пограничное агентство	337	298	88,6	—	—	—
Пондичери	369	—	—	—	—	—
Трипура	1 142	360	31,5	16	199	55,3
Индия в целом	439 073	30 130	6,7	287	14 035	46,6

* [58].

Хотя адиваси по численности, расовому типу (как правило, негроавстралоидному или монголоидному) и языкам (большой частью принадлежащим к австрической, дравидийской или тибето-китайской языковым семьям), уровню развития, занятиям и всему укладу жизни очень неоднородны, они в целом имеют некоторые общие черты и, во всяком случае, все вместе заметно отличаются от остального населения Индии. Это позволяет нам ниже рассматривать их все вместе, не уделяя специального внимания — за недостатком места — отдельным народам этой группы.

Завершив на этом краткий обзор этноязыкового состава жителей Индии в целом, отметим, что чрезвычайная национальная и языковая разнородность населения страны; огромная численность как населения в целом, так и его отдельных основных этноязыковых компонентов; от-

существование численного преобладания какого-нибудь одного народа или даже двух-трех народов (и языков) над всеми остальными, вместе взятыми; низкий уровень этнической консолидации и слабое развитие национального самосознания многих (в том числе и весьма крупных) народов в сочетании с некоторыми особенностями их территориального распространения (о чем речь пойдет ниже) придают этноязыковой ситуации в Индии поистине уникальный характер и отличают эту страну от других многонациональных и разноязычных государств.

Пространственный анализ этноязыковых данных

Какая же картина вырисовывается при *территориальном* анализе этнолингвистических данных, содержащихся в публикациях переписей населения Индии (прежде всего переписи 1961 г.)?

Необходимый уровень территориальной дробности. Совершенно очевидно, что особенности расселения индийских народов, с одной стороны, и характер административно-территориальной структуры этой страны — с другой, таковы, что порайонный анализ, проведенный только по штатам в целом, не позволяет в большинстве случаев охарактеризовать действительную этноязыковую ситуацию достаточно точно. Более того, нередко даже данные по более мелким административно-территориальным подразделениям — дистриктам — с точки зрения правильности отражения пространственной специфики этноязыкового состава населения Индии могут ввести в заблуждение. Большинство индийских дистриктов имеет более чем по 1 млн. жителей, а некоторые — 2—3 млн. Площадь ряда дистриктов превышает 20—30 и даже 40 тыс. кв. км. Границы подавляющего большинства дистриктов были установлены еще в колониальный период и, как правило, без учета этноязыкового состава населения и наличия тех или иных объективных этнических рубежей. В итоге существующая ныне сетка дистриктов, не подвергшаяся за годы независимости заметному изменению, не соответствует этноязыковому районированию страны. Многие из них имеют разнородный и иногда довольно пестрый состав населения, причем нередко расселение различных этнолингвистических групп в пределах дистрикта характеризуется территориальной гетерогенностью. Данные по таким дистриктам в целом маскируют факт их внутренней пространственной неоднородности.

В качестве иллюстрации можно привести материалы о расселении адиваси (см. табл. 3 и 4). Данные не только по Индии в целом, но и в целом по отдельным штатам создают впечатление, что, за исключением нескольких небольших штатов и союзных территорий, доля адиваси в общей численности населения повсюду в Индии незначительна: ни в одном штате (кроме Нагаленда и, после 1966 г., Мегхалая) они не составляют даже четверти населения. Данные на уровне дистриктов позволяют уточнить действительное положение вещей. Оказывается, что в двадцати двух дистриктах (включая дистрикты штатов Нагаленд и Мегхалая) «зарегистрированные племена» составляют более половины жителей, причем во всех них, вместе взятых (включая также населенные в основном адиваси союзные территории — Северо-Восточное пограничное агентство, Дадра и Нагар Хавели, Лаккадивские, Миникой и Аминдивские острова), проживает 8891 тыс. адиваси, или 29,5% всех адиваси Индии. Если же рассмотреть ситуацию по еще более мелким территориальным единицам — на уровне талуков или других эквивалентных им низовых единиц административного деления,

Численность крупнейших (не менее 1 млн. человек) «зарегистрированных племен» Индии и их распределение по штатам *

Племя	Численность, тыс.	Основные районы расселения	Численность племени в данном штате, тыс.	Доля членов племени, %	
				во всем населении штата	в общем числе членов племени
Гонды	3992	Мадхья Прадеш	2670	8,2	66,9
		Орисса	446	2,5	11,2
		Махараштра	256	0,6	6,4
Бхилы	3838	Андхра Прадеш	144	0,4	3,6
		Мадхья Прадеш	1222	3,8	31,8
		Гуджарат	1123	5,4	29,3
Санталы	3154	Раджастхан	907	4,5	23,6
		Махараштра	546	1,4	14,2
		Бихар	1541	3,3	48,9
Ораоны	1447	Западная Бенгалия	1200	3,4	38,0
		Орисса	411	2,3	13,0
		Бихар	735	1,6	50,8
Мина	1156	Западная Бенгалия	297	0,9	20,5
		Мадхья Прадеш	283	0,9	19,6
		Орисса	129	0,7	8,9
Мунда	1019	Раджастхан	1156	5,7	100,0
		Бихар	629	1,4	61,7
		Орисса	221	1,3	21,7
		Западная Бенгалия	160	0,5	15,7

* Подсчитано по данным: [45].

то картина станет намного яснее. Табл. 3 свидетельствует о том, что «зарегистрированные племена» составляют более половины жителей в 287 низовых административных единицах Индии и что в этих районах проживает почти половина адиваси Индии (свыше 14 млн. человек, или 46,6%).

Характерным примером может служить Махараштра, где имеется весьма многочисленная прослойка адиваси — 2397 тыс. человек, которые составляют, однако, лишь 6,1% населения штата. Если взять данные по дистриктам, то ни в одном из них адиваси не составляют хотя бы половину жителей. Даже в дистриктах Насик, Тхана и Дхулиа, где адиваси наиболее многочисленны, они составляют соответственно лишь 24,5; 30,3 и 38,0% всего населения указанных дистриктов. Если же рассмотреть положение по отдельным талукам, то обнаружится, что в Махараштре насчитывается четырнадцать талуков, в которых адиваси составляют большинство жителей, причем в этих талуках их проживает 798 тыс. — 33,3% адиваси Махараштры⁶ [47].

Еще более выразительно соотношение в Гуджарате. Здесь к «зарегистрированным племенам» относятся 2754 тыс. человек, т. е. лишь 13,4% населения штата. Как и в Махараштре, здесь нет ни одного дистрикта, где доля адиваси превышала бы 50% (в Сурате, стоящем по их общей численности — 1225 тыс. — на втором месте среди всех дистриктов Индии, эта доля в 1961 г. была равна 49,9%). Однако на уровне низовых административных единиц в Гуджарате обнаруживается двадцать восемь талуков, где «зарегистрированные племена»

⁶ Из них в девяти талуках адиваси составляют более трех четвертей, в том числе в четырех — более девяти десятых всего населения [47, 221].

составляют большинство населения, причем в них проживает 1875 тыс. адиваси, т. е. 68,1% адиваси Гуджарата [45]⁷.

Сказанное выше относится, разумеется, не только к «зарегистрированным племенам», но и ко всем остальным народам страны. Нет сомнения, что данные по всем талукам и эквивалентным им единицам Индии, если бы мы ими располагали, позволили бы составить национально-языковую карту страны (особенно ее контактных, смешанных ареалов) гораздо точнее.

К сожалению, однако, опубликованные материалы переписи 1961 г. не содержат этноязыковых данных по подразделениям дистриктов, и нам пришлось пользоваться данными по дистриктам в целом, дополняя их там, где это оказывалось возможным (с привлечением других источников), территориально более дифференцированными данными. Большую пользу могли бы оказать и сведения (мы ими не располагаем) об этноязыковом составе городского и сельского населения раздельно, так как часто в одном и том же дистрикте сельские и городские жители по своему составу заметно отличаются друг от друга.

Характер расселения отдельных народов и некоторые вопросы этноязыкового районирования Индии. Ареалы расселения одних народов Индии образуют целостную, компактную территорию (это относится в первую очередь к крупнейшим, многомиллионным народам), ареалы других (примером могут служить ораоны, мина) — расчлененные, иногда весьма удаленные друг от друга районы. Некоторые этнолингвистические группы (в том числе и ряд сравнительно малочисленных) проживают на весьма обширной территории, охватывающей иногда несколько дистриктов, причем эти дистрикты могут быть расположены в разных штатах (таковы, например, ораоны, гонды, бхилы). Другие (в том числе и некоторые довольно крупные по численности) народы, напротив, занимают сравнительно небольшую территорию, иногда ограниченную даже пределами одного-двух-трех дистриктов (например, кумауңцы, гархвальцы, хо, нага, гаро, кхаси). Одни этнические группы (среди крупных — гуджаратцы, малаяли и т. д.) расселены по территории своего обитания более или менее равномерно, другие (каннара, гонды, санталы и многие другие), даже в районах своего преимущественного распространения, расселены неравномерно, образуя чередующиеся ареалы то большей, то меньшей концентрации. Наконец, некоторые этноязыковые общности (в том числе такие довольно многочисленные, как санталы, мина, кхонды) повсюду или почти повсюду в зоне своего распространения (даже в ареалах своей максимальной концентрации) составляют меньшинство населения, иногда даже ничтожное меньшинство. Другие же этнические группы (в том числе кхаси, гаро, мизо, канаурцы, сирмаурцы и некоторые другие малочисленные и локализованные в пределах небольших районов народы), напротив, образуют в районах своего расселения (пусть даже и незначительных по площади) большинство или даже подавляющее большинство жителей.

Разработка статистической типологии расселения разных народов Индии и их классификация по типам расселения — важная и очень интересная задача, стоящая перед демогеографами и этнографами. Необходимым предварительным этапом разработки такой типологии

---

⁷ Не менее интересные и важные наблюдения можно сделать, если обратиться к аналогичным статистическим данным по отдельным этническим группам адиваси, однако нехватка места не позволяет сделать это в настоящей статье.

должно быть составление детальных крупномасштабных карт расселения каждого народа страны.

Статистически можно выделить не только разные типы расселения народов, но и разные типы национально(этно)языковых районов Индии.

Наложение ареалов расселения различных народов страны друг на друга дает весьма сложную картину. Многокрасочная этноязыковая карта Индии представляет собой чрезвычайно пеструю и причудливую мозаику многочисленных больших и малых разноцветных пятен разных тонов и самого разного размера и конфигурации.

Так, прежде всего обнаруживается, что ареалы расселения всех крупных (не менее 5 млн. человек каждый) народов представляют собой более или менее компактные территории, в пределах которых соответствующие народы почти повсеместно составляют подавляющую часть населения. То же самое можно сказать также и о некоторых малых народах (кхаси, гаро, мизо, хо и др.).

Анализ этнолингвистического состава населения по дистриктам показывает, что в подавляющем большинстве дистриктов, т. е. на большей части территории Индии, тот или иной народ численно преобладает над всеми другими, вместе взятыми. В то же время, однако, территория с мононациональным составом населения (т. е. те районы, в которых тот или иной народ составляет не менее 90% жителей) сравнительно невелика.

Произвести точные подсчеты и дать оценки на этот счет по Индии в целом практически невозможно из-за неясности этнолингвистической ситуации в ареале распространения хирду, бихари и раджастхани, о чем выше уже говорилось. Так, по формальным данным переписи 1961 г., крупнейший сгусток моноязычных дистриктов (более пятидесяти) располагается в ареале хинди. Однако, как уже отмечалось, за этим в действительности скрывается значительное этнолингвистическое разнообразие. Впрочем, по-видимому, некоторые дистрикты здесь и на самом деле моноязычны: в одних почти все население говорит на бходжпури, в других — на авадхи и т. д. Однако некоторые дистрикты в этом ареале представляют собой контактные зоны (зоны смешения и территориального взаимопроникновения бходжпури и авадхи, чхаттисгархи и багхелькханди и т. д.) и, таким образом, имеют смешанный или даже многоязычный состав населения. Рубежи же между областями распространения указанных языковых форм и соответствующих им этнических общностей изучены недостаточно, чтобы можно было сделать определенные этнолингвогеографические выводы. Точно так же лингвистическое разнообразие некоторых дистриктов Бихара, зафиксированное переписью 1961 г., тоже не отражает действительное положение вещей: с одной стороны, некоторые из этих псевдоразнородных дистриктов, быть может, моноязычны и моноэтничны (т. е. населены, например, одними только бходжпурцами или майтхильцами); с другой стороны, за цифрами переписи может скрываться реальное разнообразие и разнородность, но не по линии смешения бходжпури — хинди, майтхили — хинди, магахи — хинди, майтхили — хинди — урду и т. д., а по линии смешения самих майтхили, магахи и бходжпури.

Рассмотрим положение, наблюдающееся за пределами ареала хирду—бихари—раджастхани. Обращает на себя внимание, что в пределах всех крупных национальных районов, имеющих выход к морю (кроме района расселения каннара), все обширные и сплошные мононациональные (моноязычные) территории (за редкими исключениями) ограничены узкой полосой, вытянутой вдоль морского побережья. Все-

го в восьми штатах, имеющих выход к морю,— Гуджарате, Махараштре, Майсуре, Керале, Тамилнаду, Андхра Прадеше, Ориссе и Западной Бенгалии — насчитывается 133 дистрикта (включая дистрикты-города Калькутту, Бомбей и Мадрас); вместе с двумя небольшими приморскими союзными территориями — Гоа (включая Даман и Диу) и Пондишери (включая Маэ, Янам и Карикал) — это дает 135 однопорядковых по величине территорий и численности населения административно-территориальных единиц. Из них у моря расположено 47, в глубинных районах — 88. Из этих 135 административных единиц моноязычными (мононациональными) являются лишь 50, причем 32 единицы из этих 50 (т. е. почти две трети) расположены на побережье и лишь 18 — в глубинных районах; к тому же из последних 18 дистриктов 10 непосредственно примыкают к морским дистриктам, и если объединить приморские дистрикты и дистрикты «второго ряда», то они составят свыше пяти шестых всех мононациональных единиц.

Яркой иллюстрацией могут служить штаты Андхра Прадеш и Махараштра. Андхра Прадеш состоит из 20 дистриктов, из которых 7 расположены на побережье. Все 7 приморских дистриктов мононациональны, тогда как из 13 глубинных дистриктов мононационален только один. Еще более выразительны данные по Махараштре. Здесь насчитывается 26 дистриктов, из них 3 (включая Бомбей) приморских. Из трех мононациональных дистриктов, имеющих в этом штате, два находятся непосредственно на побережье, а третий вплотную к ним примыкает; в обширных же глубинных районах штата мононациональных дистриктов нет совсем.

Исключение составляет национальный район каннара. Ему вообще присуще почти повсеместное наличие значительной этнически инородной примеси, и это, в частности, характерно и для той его сравнительно небольшой части, которая расположена у моря: приморская полоса штата Майсур (она, кстати, сравнительно невелика по протяженности и по удельному весу в общей площади и общей численности населения этого штата) — его самая пестрая в этноязыковом отношении часть. Это объясняется тем, что национальный район каннара в отличие от других приморских районов здесь как бы «прорывается» к морю через расположенные непосредственно на побережье небольшие национальные районы конканцев и тулу, и часть майсурского побережья, по сути дела, вообще не относится к национальному району каннара. Единственный же мононациональный дистрикт Майсура (Мандья) расположен в глубинной части штата. Однако этот случай — единственное исключение, и можно сказать, что оно лишь подтверждает правило.

Особый вариант типичного случая представляют национальные районы гуджаратцев на западе и ория и бенгальцев на востоке. Здесь мононациональная зона занимает не только прибрежную полосу, но и довольно обширные глубинные районы; впрочем, и здесь половина мононациональных глубинных дистриктов принадлежит ко «второму ряду».

У рассмотренного выше любопытного этнолингвогеографического явления есть еще одна сторона. Из 47 расположенных на морском побережье дистриктов и других соизмеримых с ними (по площади и населению) административно-территориальных единиц мононациональными являются 32 (т. е. более двух третей), а немононациональными — только 15 (тогда как на 88 глубинных дистриктов мононациональных приходится только 18, т. е. лишь пятая часть). Если сравнить эти две категории приморских дистриктов друг с другом по их величине и осо-

бенно по длине приходящейся на них береговой линии, то «перевес» в пользу мононациональных дистриктов станет еще более ощутимым. Кроме того, среди тех сравнительно немногих приморских единиц, которые имеют немононациональный состав, имеется несколько таких, состав населения которых очень близок к мононациональному (т. е. к 90%). Например, в приморских дистриктах Раманатхапурам (Тамилнаду), Коттаям (Керала) и Барода (Гуджарат) говорящие на национальном языке национального района, в котором они расположены, составляют соответственно 89,5% (тамил), 89,5% (малаялам) и 89,6% (гуджарати) [44, стр. XLIV, LIII, LXXXIV]; таким образом, эти три дистрикта, по существу, тоже можно отнести к категории мононациональных. Во многих других дистриктах побережья доля носителей главных языков превышает 80% жителей. Более того, если рассмотреть положение не по приморским дистриктам в целом, а по талукам, в частности, взяв только собственно приморскую часть некоторых из этих дистриктов (например, Палгхата или Коттаяма), то и здесь обнаружится мононациональность. Таким образом, приморская мононациональная полоса в Керале окажется непрерывной. Наконец, как уже отмечалось выше, 10 из 18 (т. е. свыше половины) остальных мононациональных дистриктов рассматриваемых восьми штатов непосредственно прилегают к прибрежным дистриктам.

Таким образом, за редчайшими исключениями, а именно за исключением двух крупных дистриктов-городов Бомбея и Мадраса, которые, естественно, притягивают иммигрантов из разных частей Индии, и дистриктов, расположенных непосредственно на стыке соседних национальных районов (ория и телугу — дистрикт Ганджам, телугу и тамилы — Чинглепут, тамилы и малаяли — Каньякумари и т. д.), вся узкая полоса территории, вытянувшаяся вдоль морского побережья, независимо от того, частью какого национального района она является, представляет собой наиболее однородную в этноязыковом отношении часть Индостанского полуострова.

Удовлетворительное объяснение этому явлению найти нелегко. Во всяком случае, оно не лежит на поверхности. Так, не подтверждается предположение, высказанное одним индийским социологом в беседе с автором настоящей статьи, что, быть может, мононациональность приморской полосы связана с относительно более высоким уровнем ее социально-экономического развития. Данные, опубликованные Ашок Митрой [42; 43], показывают, что по уровню социально-экономического развития прибрежные дистрикты резко отличаются друг от друга; что большинство самых развитых в социально-экономическом отношении дистриктов рассматриваемых штатов расположено как раз в глубинных районах; что нигде в Индии не прослеживается прямая связь между уровнем социально-экономического развития района и степенью этнолингвистической однородности его населения. Можно лишь высказать предположение, что важную роль в формировании моноязычия и моноэтничности приморской полосы сыграли такие, быть может, в других отношениях и ситуациях частные факторы, как благоприятные транспортные условия (как в настоящее время, так и в прошлом) и длительность пребывания каждого национального участка приморской полосы в составе единых административно-политических единиц. С другой стороны, быть может, определенное значение имеет тот простой этногеографический факт, что прибрежная полоса всех крупных национальных районов Индии более других их частей удалена от расположенной в основном в глубине полуострова зоны контакта этих национальных районов друг с другом — зоны, которая, при про-

чих равных условиях, неизбежно должна иметь более или менее смешанный национальный состав.

Наряду с мононациональными, моноязычными районами в Индии имеются также районы противоположного типа — со смешанным, разнородным и иногда даже весьма пестрым, полиэтническим и полиязычным составом населения (к последней категории этноязыковых районов мы условно относим такие районы, в которых ни один народ численно не преобладает над всеми другими, вместе взятыми, т. е. не составляет 50% населения или более). Общая площадь этих районов (на уровне дистриктов) тоже невелика. В отличие от мононациональных районов этнически и лингвистически разнородные и особенно полиэтнические и многоязычные ареалы расположены главным образом во внутренних частях Индии. Это в значительной степени определяется тем, что смешанные в этноязыковом отношении дистрикты расположены на стыке крупных национальных районов, в полосе контакта и территориального взаимопроникновения и смешения соседних крупных народов. Это характерно для всех контактных районов, но особенно типично для юга Индии. Самыми пестрыми в национально-языковом отношении дистриктами здесь являются Колар и Бангалур, расположенные там, где сходятся национальные районы телугу, тамиллов и каннара; Нилгири (здесь смыкаются районы тамиллов, каннара и малаяли), Кург и Южная Канара (зона контакта национальных районов тулу, малаяли, каннара, конканцев и кургов), Северная Канара, расположенная на стыке районов конканцев, маратхов, каннара, и, наконец, Бидар, где сходятся национальные районы маратхов, каннара и телугу.

Что же касается центрального пояса Индии (представляющего собой в основном периферийную полосу, окаймляющую на юго-востоке, юге и юго-западе этнически расплывчатую зону распространения хирду, бихари и раджастхани), то присущие этому контактному поясу пестрота и полиэтничность в значительной степени определяются тем, что его важным, а иногда даже преобладающим этническим компонентом являются часто не только сами соприкасающиеся здесь крупные народы, но и этнически чуждые им малые народы и племена, особенно адиваси. Это относится, например (двигаясь с востока на запад), к дистриктам Парганы Санталов, Сингхбхум и Ранчи (Бихар), Бастар, Балагхат, Бетул, Западный Нимар, Восточный Нимар, Дхар, Джхабуа (Мадхья Прадеш), Дхулия и Тхана (Махараштра), Сурат и Данги (Гуджарат) [41].

Здесь необходимо отметить, что в контактных районах наблюдается два типа промежуточной этноязыковой ситуации и соответственно имеются этноязыковые районы двух типов, различающиеся между собой не по числу и не по относительной значимости слагающих их этнических и языковых компонентов, а по характеру взаимодействия этих компонентов между собой [подробнее об этом см.: 26].

Очень часто в ареалах, расположенных на стыке двух или более национальных районов, существует этноязыковая ситуация, которую можно определить как *смешанную*. В таких ареалах смешанно живут представители народов, населяющих соседние районы, носители различных этносов и языков. Так, смешанная ситуация характерна для контактной зоны между бенгальским и ассамским национальными районами, между национальными районами каннара и телугу. Смешанными являются также бенгальско-санталские ареалы и многие другие районы страны. Для смешанных районов характерно то, что представители народов, входящих в «смесь», этнически остаются са-

мими собой, прекрасно сознают свою этническую принадлежность и отличают себя от представителей соседних народов.

Однако в ряде контактных ареалов сложилась ситуация, которую правильнее назвать не смешанной, а *переходной*. Примером может служить дистрикт Пурния, расположенный на границе двух национальных районов — Бенгалии и Митхилы. Хотя и здесь часть населения составляют бенгальцы и майтхильцы, для этого района характерно не столько смешанное расселение бенгальцев, как таковых, и майтхильцев, как таковых, сколько постепенный переход одного народа в другой через серию переходных этнических форм и сложение объективно переходного, «гибридного» этноса. Такие же гибридные ситуации характерны и для пограничных районов между Бенгалией и Ориссой, а также для Бихара, Хиндустана и некоторых других областей страны.

Этнически смешанные и этнически переходные (гибридные) районы — это два разных типа этнических районов; их следует различать и, кстати, по-разному изображать на этнолингвистических картах, что требует разработки специальной методики картографирования.

Особое положение наблюдается в северной и северо-восточной пограничной полосе Индии. Состав населения этой полосы резко меняется от района к району. Ее населяет ряд сравнительно небольших этнических общностей, большинство из которых принадлежит к группе адиваси. Для северной и северо-восточной горной и предгорной полосы на всем ее протяжении (за исключением ее выдвинутого на юг центрального участка, расположенного вдоль границы с Непалом) типичны небольшие компактные районы, в каждом из которых тот или иной малый народ составляет подавляющее большинство жителей. Некоторые дистрикты здесь (Алмора, Питхоргарх, Техри Гархвал, Сринагар, Анантнаг, Джамму, Катхуа) имеют даже моноэтническое население.

Важными центрами сосредоточения пестрого по национальному составу и разноязычного населения помимо указанных выше являются также крупные города и конурбации страны, в первую очередь Калькутта и Бомбей. Однако в городах население, этнически чуждое преобладающей национальности района, в котором расположен тот или иной город, представлено в основном временными иммигрантами и имеет поэтому текучий состав. Следует заметить, что индийские города в отличие от городов Европы и Америки нельзя назвать «плавильными котлами»: как правило, проживающие в одном и том же городе различные этнические группы не смешиваются друг с другом и устойчиво сохраняют свою этническую обособленность. Это ярко показали, например, недавно проведенные социологические обследования такого многонационального города, как Калькутта [35, 36; 37; 60; см. также 19].

Характерно, что в городах Индии, особенно в крупных, почти совсем нет адиваси, которые избегают селиться в городах и почти все живут только в сельской местности. Напротив, некоторые этнические группы Индии принадлежат к числу высокоурбанизированных — это парсы, англоиндийцы и др. Попутно заметим, что в Индии есть смешанные в национальном отношении районы, где среди сельского населения преобладает один народ, а среди городского — другой. Примером может служить дистрикт Белгаум, где основную массу сельских жителей составляют каннара, тогда как среди горожан весьма высока доля маратхов.

Этноязыковая география Индии в сопоставлении с природными, административно-политическими, экономическими и прочими условиями

Картина национального и языкового состава населения Индии в целом и ее отдельных районов и расселения различных ее народов, полученная путем группировки и нанесения на карту этнолингвостатистических данных, должна быть дополнена дальнейшим анализом и интерпретацией. Этот анализ должен сопровождаться привлечением материалов, характеризующих особенности природных условий страны, ее административно-территориального устройства, порайонный уровень ее регионального экономического развития и т. д., и исследованием разного рода взаимоотношений и связей между этноязыковыми факторами, с одной стороны, и экономическими, природными, административно-политическими, социальными, историческими факторами — с другой.

Этнолингвогеография Индии и природные условия. Сопоставление региональных особенностей природных условий Индии и особенностей порайонного национального состава ее населения и расселения различных ее народов в целом не обнаруживает повсеместной связи между этими особенностями, хотя в некоторых районах и для некоторых народов такая связь прослеживается. Так, в одних случаях постепенное изменение географической среды сопровождается постепенными изменениями и в этническом составе населения (примером может служить упоминавшийся выше дистрикт Пурния), а резкие изменения природной среды обитания (почвенно-климатических условий, рельефа и т. д.) — резкими различиями в национальном составе (примером могут служить граница между ареалом расселения маратхов, с одной стороны, и телугу — с другой; граница между горной и низменной частями дистрикта Дарджилинг и т. д.). Некоторые (как правило, сравнительно малочисленные) народы и этнические группы как бы приурочены к определенному типу географической среды и почти не встречаются за его пределами (например, выходцы из Непала населяют почти исключительно горные и предгорные районы Западной Бенгалии и Ассама). Обширные территории с однородными природными условиями имеют иногда и однородное в национальном отношении население (примером могут служить дельтовые районы Западной Бенгалии или Ориссы). Главные районы концентрации в Западной Бенгалии санталов — народа, в целом рассеянного в виде сравнительно небольшой «примеси» среди бенгальцев, — приурочены к районам с менее благоприятными почвенно-климатическими условиями (например, Баринд); доля же бенгальцев в этих районах сравнительно невысока.

Разумеется, факты такого рода не следует понимать как проявление некой прямой зависимости расселения тех или иных народов от характера природных условий. Природная среда обитания оказывает определенное, иногда весьма значительное влияние на географию населения в целом и в частности на расселение отдельных народов. Однако это влияние, особенно в современный период развития человеческого общества, осуществляется главным образом косвенно, через посредство социально-экономических факторов. К тому же в Индии более распространены случаи, когда в одних и тех же экологических условиях, в одном и том же природном районе живут разные народы (как смешанно — например, ассамцы и бенгальцы в долине Брахмапутры, так и раздельно — например, кхаси и гаро на плато Шиллонг). С другой стороны, нередко один и тот же народ населяет территорию,

В пределах которой наблюдаются заметные ландшафтные различия (это относится в первую очередь ко многим крупным народам Индии, а также, например, к санталам).

Интерпретация всех этих связей, соответствий и несоответствий (в частности, изучение того, где, в какой степени и как природные различия повлияли и влияют на формирование различий этнических и в какой мере и почему некоторые этнические общности приурочены и даже тяготеют к тем или иным определенным природно-экологическим условиям или избегают их) — важная задача, стоящая перед этногеографами.

О характере расселения адиваси. В литературе широко распространено мнение, что адиваси сохранились в центральном поясе Индии и в горных районах Северо-Востока, с одной стороны, потому что они были оттеснены другими народами в эти районы, природная среда которых в целом менее благоприятна для обитания человека, чем соседние области Индии (а многие из этих районов к тому же сравнительно труднодоступны), и, с другой стороны, потому что племена оказались здесь в условиях некоторой изоляции от остального населения Индии.

В какой-то степени такое объяснение можно признать правильным. Однако есть и другие точки зрения, во всяком случае, оно не может служить единственным объяснением.

Одну из важнейших географических особенностей расселения народов группы адиваси (а также и некоторых других малых народов Индии) можно сформулировать следующим образом: главные районы их концентрации расположены в зоне контакта нескольких, как правило, крупных народов, на стыке двух-трех, а то и четырех крупных национальных районов. Так, один крупнейший «сгусток» адиваси (санталов, ораонов, мунда и др.) расположен на стыке национальных районов бенгальцев, магахов, бходжпурцев, хиндустанцев и ория, второй (гондов, кхондов и других племен) — на стыке районов хиндустанцев, маратхов, телугу и ория, третий (бхиллов и др.) — там, где сходятся рубежи национальных районов маратхов, хиндустанцев, раджастханцев и гуджаратцев. В контактной зоне расположены и населенные малыми народами районы северных и северо-восточных окраин Индии с той лишь разницей, что эта зона расположена вдоль государственных границ страны. Возникает вопрос: случайно ли то, что адиваси столь многочисленны и составляют столь большую долю населения именно в этих контактных зонах?

Ответить на этот вопрос весьма затруднительно, тем более что ответ для разных районов и народов окажется разным. Во всяком случае, большой интерес представляет концепция Б. К. Роя Бёрмана [15; 57; 58]. Изучая племена Северо-Восточной Индии, Рой Бёрман высказал весьма интересное предположение о том, что сохранению сгустков адиваси именно в пограничных районах способствовало то обстоятельство, что некоторые из них (будучи территориально расположены между районами, в которых доминировали другие, более крупные народы, в отдельные периоды враждовавшие между собой) играли специфическую роль — либо роль народов-посредников, либо роль народов-буферов. При этом, как считает индийский ученый, эти крупные и враждовавшие между собой народы могли быть обоюдно заинтересованы именно в поддержании этнической самостоятельности разделявших (и в то же время соединявших) их малых народов и племен, а не в ассимиляции их и поглощении. То же самое, по-видимому, можно сказать и о размещении отдельных этнических групп адиваси по отно-

шению друг к другу. Так, по мнению Б. К. Роя Бёрмана, ассамских куки можно рассматривать как народ-буфер между мизо и нага. Выступая в роли посредника или буфера, некоторые племена вырабатывали даже специфический социальный и культурный механизм, регулировавший их отношения со своими соседями и в то же время подерживавший их этническую обособленность.

Поскольку в доколониальный период Индия была разделена на большее число княжеств и соответственно пограничных районов в стране было больше, в роли посредников или буферов в прошлом, как считает Б. К. Рой Бёрман, вероятно, выступали многие племена, и было бы интересно изучить, какова связь между размещением нынешних «сгустков» адиваси и политическими границами различных индийских княжеств в разные периоды истории.

Концепция Б. К. Роя Бёрмана заслуживает самого пристального внимания, и ее разработка может дать интересные результаты. Весьма вероятно, что она окажется применимой не только к адиваси, но и к другим малым пограничным народам (например, кумаунцам, гархвальцам, тулу). В то же время такая трактовка географии расселения малых народов, очевидно, не является универсальной и не всегда может служить единственным объяснением, а то и вовсе неубедительна. Кстати, возможно, что сохранение особенно значительных по концентрации адиваси районов именно на территории нынешних Мадхья Прадеша, Бихара и Ориссы в какой-то степени можно объяснить тем, что слаборазвитые по уровню национальной консолидации этнические общности, населяющие Хиндустан и Бихар, не могли оказать на адиваси столь же сильное ассимилирующее влияние, как, например, маратхи или гуджаратцы.

Этнолингвогеография Индии и административно-политическое устройство страны. Исключительно важное значение приобрела за последние годы этнолингвогеографическая проблематика в связи с реорганизацией административно-политического устройства Индии.

Колониальная Индия представляла собой пример вопиющего несоответствия административно-политического устройства страны потребностям ее политического, хозяйственного и культурного развития. В частности, с одной стороны, границы провинций и княжеств расчленили области, населенные одной и той же национальностью, с другой — в пределах многих административно-территориальных единиц были искусственно соединены районы, населенные разными народами.

После завоевания Индией независимости этнолингвистические проблемы в стране выступили на передний план и приобрели огромное значение и актуальность. Под напором массовых национальных движений отдельных народов прежнее административно-территориальное деление страны было коренным образом реорганизовано. В стране был создан ряд автономных национальных штатов [8; 9; 14; 17; 31; 32].

В целом в результате реорганизации штатов федеративное устройство Индии приведено в большее или меньшее соответствие с языковым (национальным) составом населения. Мы не будем здесь касаться весьма сложного положения в зоне распространения хирду, бихари и раджастхани, потому что, как об этом уже говорилось выше, этноязыковая ситуация здесь весьма неопределенна. Заметим лишь, что, с одной стороны, в хирдуязычном ареале существует не один, а несколько штатов, в каждом из которых носители хирду составляют большинство жителей, а с другой — границы между штатами в этом ареале не соответствуют внутренним этнолингвистическим (в частности, субэтническим и диалектным) рубежам. Что же касается почти всех осталь-

ных крупнейших народов страны, то они получили свои «собственные» штаты, в пределах которых, во-первых, сосредоточена основная масса лиц соответствующей этнолингвистической принадлежности и, во-вторых, лица данной национальности составляют большинство (как правило, подавляющее) населения данного штата.

Тем не менее часть (иногда весьма значительная) почти всех крупных народов даже после реорганизации проживает за пределами «своих» национальных штатов (особенно в пограничных районах) на положении меньшинства, и даже в наиболее однородных в национально-языковом отношении штатах существует заметная инациональная, иноязычная прослойка (см. табл. 2). Некоторые народы, будучи сосредоточены в основном в пределах одного штата, хотя и образуют в «своих» штатах большинство, но большинство незначительное. Примером может служить Майсур. Здесь сосредоточено 88,3% всех носителей языка каннара, однако они составляют менее двух третей (65,2%) жителей штата. В ряде дистриктов Майсура доля лиц, родным языком которых является каннара, составляет лишь около половины, а в Курге и Южной Канаре — соответственно даже 32,3 и 20,6% всего населения. Точно так же, например, 99,1% всех говорящих на кашмири проживает, в Джамму и Кашмире, но их доля во всем населении этого штата составляет лишь 54,4%.

Другой пример несоответствия административно-территориальной структуры Индии этнолингвистическому составу населения представляют во многих районах малые народы. Подавляющее большинство этих народов (даже те из них, которые в ряде районов составляют большинство жителей) не только не имеет «своих» штатов, но и вообще не пользуется никакой автономией. При этом территория многих средних и малых народов оказывается расчлененной между различными штатами, в каждом из которых они составляют ничтожное меньшинство населения.

Так, обширная территория, населенная санталами, которая представляет собой географически более или менее целостный ареал, разделена между тремя штатами — Бихаром, Западной Бенгалией и Ориссой: по данным переписи 1961 г. [45], из 3154 тыс. санталов 1541 тыс. (48,9%) проживают в Бихаре, 1200 тыс. (38,0%) — в Западной Бенгалии и 411 тыс. (13,0%) — в Ориссе, и в каждом из этих штатов санталы образуют меньшинство жителей.

Названные выше несоответствия нередко объясняются самим характером расселения некоторых индийских народов, отсутствием во многих случаях «линейных» этнических рубежей, наличием контактных районов с этнически смешанным или переходным населением, что делает невозможным четкое национально-территориальное размежевание. Так, порайонный этногеографический анализ на уровне низовых административно-территориальных единиц приводит к выводу о том, что решить задачу создания национального штата санталов, в котором было бы сосредоточено большинство всех санталов Индии и в котором они составляли хотя бы не менее половины жителей, невозможно. Дело в том, что для территории, населенной этим народом, характерна следующая этногеографическая особенность: несмотря на свою многочисленность, санталы почти нигде не только не составляют большинства населения, но даже не являются самой крупной этнической группой. Большинство лиц этой национальности рассеяно, расплылено мелкими вкраплениями в виде небольшой «примеси» среди бенгальцев, майтхильцев, магахов и других народов. Единственный сколько-нибудь крупный по территории и населению ареал сантальского боль-

шинства, который может быть очерчен на этнической карте Индии, расположен в центральной части дистрикта Парганы Санталов, но здесь проживает лишь около четверти всех санталов страны. Другие же ареалы концентрации санталов, во-первых, разрознены и территориально весьма удалены друг от друга, а во-вторых, недостаточно велики по площади и по числу жителей, чтобы претендовать на автономию. Иными словами, характер расселения санталов по территории Восточной Индии таков, что этот народ в целом, несмотря на свою многочисленность, так сказать, «обречен» на то, чтобы быть народом-меньшинством.

Пример санталов (как и некоторых других народов Индии) показывает, что в рамках существующей ныне в Индии федеративной структуры возможность для того или иного народа добиться региональной автономии (в частности, организации собственного национального штата) зависит не столько от численности данного народа, уровня его национального самосознания или методов, с помощью которых он пытается добиться автономии, сколько от географии его расселения. Поэтому такие мелкие по численности народы, как, например, нага, кхаси, гаро, мейтхей, мизо, кумаунцы и т. д., благодаря тому, что они расселены компактно и в районах своего обитания составляют подавляющее большинство жителей, имеют реальные шансы добиться автономии для своих национальных районов, а некоторые из них уже получили ее [33; 34], тогда как гораздо более многочисленные санталы или синдхи, будучи распыленными среди еще более крупных народов, практически лишены такой возможности.

Однако в ряде случаев причина несоответствия административно-территориального деления Индии этноязыковому составу населения лежит в несовершенстве самой административно-территориальной структуры страны. Выше уже говорилось о недостатках нынешней сетки дистриктов, восходящей к колониальным временам. Это относится в особенности к дистриктам, расположенным на стыке между различными национальными районами, в частности, к дистриктам того ареала, где представлены главные концентрации адиваси. Действительно, если, например, на северо-востоке страны границы дистриктов более или менее соответствуют расселению не только адиваси в целом, но даже и их отдельных этнических групп, то в Центральной Индии такого соответствия нет. Кстати, об этом несоответствии свидетельствует приведенная выше табл. 3, составленная с привлечением данных по дистриктам и талукам; подобная картина наблюдается не только среди адиваси.

В особенности это бросается в глаза в этнотерриториально гетерогенных дистриктах, таких, как, например, Сингхбхум, в одних районах которого большинство населения составляют бенгалцы и санталы, в других — хо, в третьих — ория и т. д., или Ранчи, где выделяется район, большинство населения которого составляют ораоны, или район, населенный главным образом мунда, и т. д.

В индийской литературе неоднократно высказывались суждения о желательности и необходимости реорганизации нынешней территориальной структуры дистриктов ввиду ее несоответствия порайонной дифференциации экономических условий; очевидно, многое может быть сделано и по линии рационализации дистриктной сетки в этнолингвистическом плане. Во всяком случае, в контактных зонах взаимопроникновения ряда крупных национальных районов, а также в ареалах концентрированного расселения некоторых малых народов можно обнаружить районы потенциальных (а в некоторых случаях и факти-

ческий уже происходящих) межэтнических территориальных конфликтов и районы возможных и предполагаемых изменений административно-территориального деления и федеративной структуры Индии и их усовершенствования. По какому пути пойдет дальнейшее развитие в этой сфере, должен решить и решит сам индийский народ. В этом отношении, как нам представляется, большой интерес для Индии может иметь опыт, накопленный в области решения административно-территориальных аспектов национального вопроса в СССР (в частности, применение принципа автономии различного рода).

Здесь необходимо остановиться на следующем очень важном, интересном и почти не изученном вопросе. До сих пор в литературе рассмотрение проблемы соответствия административно-территориального устройства Индии и этноязыкового состава ее населения шло по линии выяснения того, насколько территориальная структура индийской федерации отвечает характеру расселения индийских народов и как наилучшим образом привести административно-политические границы в соответствие с объективными этническими рубежами. Между тем эта проблема имеет и весьма интересный противоположный аспект. Представляет огромный теоретический и практический интерес вопрос о том, насколько федеративное государственное устройство влияет на национальный состав населения, на характер и направление этнических процессов, на формирование этноязыковых районов.

В этом отношении богатую пищу для размышления дает сопоставление данных переписей 1951 и 1961 гг. Перепись 1961 г. зафиксировала ряд любопытных фактов. Например, хотя бходжпурцы, населяющие соседние районы двух штатов — Бихара и Уттар Прадеша, в этноязыковом отношении по объективным признакам представляют единое целое, огромное большинство представителей этого народа, проживающих в соседних с Уттар Прадешем дистриктах Бихара, указало в качестве родного языка бходжпури, тогда как почти все бходжпурцы в соседних с Бихаром дистриктах Уттар Прадеша отнесли себя к говорящим на хинди.

Еще более характерны в этом отношении данные о дистриктах Пурния и Пурулия, расположенных на границе между Западной Бенгалией и Бихаром. Как известно, часть дистрикта Пурния и почти весь дистрикт Пурулия, входившие прежде в состав Бихара, в 1956 г. были переданы Западной Бенгалии. Эта передача сыграла роль своего рода уникального этнолингвистического эксперимента, так как дала в руки социологов, этнологов, этногеографов исключительно интересный материал, позволяющий установить связь между изменением фактической административно-территориальной принадлежности и изменениями национального самосознания и направления этнических процессов. В 1961 г. в переданных районах обнаружилось [48, 334—335], что доля считающих своим родным языком хинди здесь резко упала (например, в Пурулия с 29,9% в 1951 г. до 2,4% в 1961 г.), а доля относящих себя к говорящим на бенгали не менее резко возросла (в Пурулия за тот же период — с 52,0 до 83,3%). Причин здесь несколько, но главная, на наш взгляд, состоит в том, что на этноязыковое сознание жителей этих районов, характеризующееся весьма низким уровнем развития, решающее воздействие оказывает административно-территориальная принадлежность их района к тому или иному национальному штату. Пурния и Пурулия представляют большой интерес потому, что на значительной части территории этих дистриктов этноязыковая ситуация характеризуется переходностью (гибридностью). Так, многие жители Пурнии по своему этническому облику и особенно по разговорному язы-

ку, так сказать, ни бенгальцы, ни майтхильцы, скорее — и те и другие сразу; во всяком случае, это люди, которые сравнительно легко могут превратиться как в бенгальцев, так и в майтхильцев. Поэтому не приходится удивляться, что смена административно-территориальной принадлежности части территории Пурнии всего лишь через несколько лет отозвалась на этноязыковом самосознании жителей дистрикта.

Сейчас в той, большей, части Пурнии, которая осталась в Бихаре, как и повсюду в Митхиле, активно идет процесс консолидации местного населения в майтхильскую нацию. Однако, с нашей точки зрения, если бы этот дистрикт в 1956 г. весь был передан Западной Бенгалии, то перепись 1961 г. (не говоря уже о переписи 1971 г.) скорее всего обнаружила бы, что те самые люди, которые, оставаясь в Бихаре, идут по пути превращения в майтхильцев, оказавшись в Западной Бенгалии, сменили бы свое этноязыковое самосознание и постепенно превратились бы в бенгальцев.

Иными словами, в таких районах, как Пурния, невозможно установить по объективным показателям, как провести административную границу-линию, чтобы она соответствовала рубежу между бенгали и майтхили, между бенгальскими районами и районами майтхильскими, так как здесь имеется достаточно широкая промежуточная (как смешанная, так и переходная, гибридная) зона. Вопрос стоит иначе: там, где административная граница между Бенгалией и Митхилой будет проведена, там со временем сложится и граница языковая и этническая. Таким образом, мы приходим к важному выводу о том, что в Индии в ряде случаев сами границы штатов — независимо от того, соответствовали они первоначально уже имеющимся этническим рубежам или нет — играют активную этноформирующую и этнодифференцирующую роль.

Этнолингвогеография Индии и некоторые вопросы регионального экономического развития. Этногеографический анализ наблюдающихся в Индии резких межрайонных контрастов и региональных диспропорций в уровне экономического развития показывает, что в стране существует заметное экономическое неравенство между различными национальными районами и тем самым в какой-то степени и между разными народами.

Примером могут служить различия между Западной Бенгалией — национальным районом бенгальцев, с одной стороны, и соседними с ней инациональными штатами Восточной Индии — Ассамом, Бихаром и Ориссой — с другой. Западная Бенгалия отличается высоким уровнем развития производительных сил, сравнительно разносторонней и лучше сбалансированной отраслевой народнохозяйственной структурой, в частности высоким уровнем индустриализации. Соседние же штаты стоят по многим показателям значительно ниже среднеиндийской нормы, а по некоторым из них — на одном из последних мест в стране. Для них в целом характерны весьма низкий уровень развития производительных сил, однобокая структура народного хозяйства (преобладание сельского хозяйства, которое само отличается крайней отсталостью), низкий уровень индустриализации (в частности, слабое развитие крупной, особенно обрабатывающей, индустрии), низкая степень урбанизации. Возьмем, например, уровень развития крупной фабричной индустрии. По данным «Ежегодного обследования промышленности» Индии за 1960 г. [34, 2—5; см. также 53], Западная Бенгалия превосходит три соседних штата, вместе взятые, по числу крупных предприятий более чем в полтора раза, по валовой продукции почти вдвое, по вновь произведенной стоимости более чем вдвое, а по числу

заняты более чем в 2,5 раза. По числу занятых в крупной индустрии и ее валовой продукции Западная Бенгалия в 1960 г. опережала инонациональные Ассам, Бихар, Ориссу, Мадхья Прадеш и Уттар Прадеш, вместе взятые, хотя по численности населения эти пять штатов превосходят Западную Бенгалию более чем в 5, а по территории почти в 14 раз! Характерно также то, что по удельному весу горожан во всем населении Западная Бенгалия стоит в Индии на четвертом месте (а по доле населения, сосредоточенного в крупных городах, на первом), соседние же три штата занимают три последних места. По численности городского населения Западная Бенгалия превосходит Бихар, Ассам и Ориссу, вместе взятые, почти в полтора раза [подсчитано по данным: 41]. Значительны различия между национальными штатами и по величине дохода на душу населения [51, 6, 9, 14].

Эти резкие региональные (и в определенной степени межнациональные) контрасты — тяжелое наследие колониального периода. В течение двух столетий развитие народного хозяйства Индии насильственно приспособлялось к удовлетворению нужд экономики метрополии и мирового рынка. В этих условиях на уродливое, неравноправное разделение труда между Индией, с одной стороны, и заокеанской метрополией — с другой, «наложилось» не менее уродливое территориальное разделение труда между различными районами самой Индии. Западная Бенгалия, как и другие районы колонии, выступала в подчиненной роли экономического придатка мирового рынка. В то же время ее экономическое развитие происходило в ущерб развитию соседних инонациональных областей и в какой-то мере за счет последних. В итоге Западная Бенгалия (это относится главным образом к Калькуттскому району) превратилась в своеобразную метрополию «второго порядка» по отношению к обширным областям страны, которые входили в зону хозяйственного влияния Калькутты и в целом выступали в роли своего рода внутренних колоний Калькуттского района. В этом неравноправном положении различных частей Индии по отношению друг к другу проявился свойственный капитализму межрайонный антагонизм, принявший в условиях колониальной страны особенно острые и уродливые формы.

В то же время не следует забывать, что, с одной стороны, заметные территориально-экономические диспропорции наблюдаются и *внутри* многих национальных районов Индии и, с другой стороны, нередко в одном и том же районе разные этнические группы заметно отличаются друг от друга по характеру участия в местной экономической жизни и по материальному и социальному положению. Так, региональный (по дистриктам) анализ, осуществленный Ашоком Митрой в рамках программы переписи 1961 г. [42; 43], показывает, что и в Бихаре, и в Западной Бенгалии имеются дистрикты, которые по уровню социально-экономического развития относятся к категориям как наиболее развитых, так и наименее развитых в Индии. Наличие региональных контрастов внутри национальных районов подтверждает и подсчет, осуществленный Национальным советом прикладных экономических исследований [54]: оценка подушевого дохода в каждом из дистриктов Индии показала, что, например, в Западной Бенгалии имеются дистрикты, относящиеся к числу экономически наименее развитых в Индии, а в Бихаре — дистрикты, отличающиеся высоким уровнем развития. Сходная ситуация наблюдается в Андхра Прадеше [38], Махараштре и ряде других национальных штатов.

Резкие различия в уровне развития экономики и народнохозяйственной структуре между национальными районами, особенности раз-

мещения производительных сил страны (в частности, особенности размещения немногих крупнейших городов, с одной стороны, и бедствующих перенаселенных аграрных районов — с другой) влияют на направление, интенсивность и этнический состав миграционных потоков, в которые разные народы вовлечены в неодинаковой степени, и порождает массовую миграцию лиц одних национальностей в районы преимущественного расселения других. В крупнейших центрах скопления мигрантов из разных национальных районов нередко наблюдаются своего рода разделение отраслей, профессий и занятий между представителями различных этнических групп и своеобразные этнические «аномалии» отдельных звеньев социальной и профессиональной структуры. При этом в экономике ряда национальных районов представители некоторых чужеродных этнических групп играют огромную роль, намного превосходящую их долю в населении соответствующего района.

Одним из примеров может служить Западная Бенгалия, где небенгалцы, представленные преимущественно иммигрантами из других штатов, весьма многочисленны и составляют заметную долю населения. Социально-экономическое положение бенгалцев и небенгалцев (а также различных этнических групп среди последних) в этом штате неодинаково. В то время как крестьянство, средняя и мелкая буржуазия города и деревни, городские средние слои и интеллигенция состоят почти целиком из бенгалцев, современный пролетариат (работники, занятые в фабрично-заводской и горнодобывающей промышленности, на чайных плантациях и железных дорогах, в порту, в городском хозяйстве Калькутты), мелкие торговцы, кустари, лица, занятые в личном услужении, и т. д., с одной стороны, и крупная, особенно монополистическая, буржуазия — с другой, представлены в этом штате в основном или в значительной степени национальными меньшинствами [этот вопрос подробно рассмотрен нами в статьях: 19; 20].

Так, по данным переписи 1961 г., выходцы из других штатов (в первую очередь бихарцы, особенно бходжпурцы, и ория) составляют 31,5% занятых в обрабатывающей промышленности (исключая надомную), 32,1% на транспорте, 28,0% в горнодобывающей промышленности [подсчитано по данным: 49, 164—167]. Среди работающих в крупной фабрично-заводской промышленности их доля еще выше: по данным на 1957 г., иммигранты из других штатов (в основном из Бихара, Уттар Прадеша и Ориссы) составляли 60,3% занятых, в том числе в черной металлургии — 68,4%, в бумажном производстве — 73,5%, в стекольном — 76,4%, а в главной отрасли индустрии штата — джутовой — даже 77,2% [61, 37].

Как писал Ашок Митра, возглавлявший проведение переписи 1951 г. в Западной Бенгалии, «иммигранты внесли очень большой вклад в развитие промышленности в этом штате, и... трудно вообразить, как была бы заполнена пустота в том случае, если бы сегодня штат лишился рабочих-иммигрантов» [39, 318]. Небенгалцы, в первую очередь адиваси, составляют также значительную часть рабочих в горнодобывающей промышленности и особенно на чайных плантациях (на плантациях также велика прослойка непальцев). Адиваси составляют наиболее угнетенную и обездоленную прослойку деревни: среди них особенно много безземельных сельскохозяйственных рабочих.

Особенно велико значение иммигрантов и вообще небенгалцев в хозяйстве Калькутского промышленного района. Так, выборочный анализ материалов переписи 1951 г. по этому району (за вычетом бе-

женцев) показал, что, например, в торговле лица, родившиеся вне Бенгалии, составляли 43%, а на транспорте — 64% всех работающих [40, III]. О. Х. К. Спейт, оценивая роль иммигрантов-небенгальцев в экономике Большой Калькутты, писал: «Жизнь в ослабленном скученностью организме зоны Хугли поддерживается лишь постоянными переливаниями крови — главным образом за счет притока бихарцев» [27, 567].

Небенгальцы (марвари, гуджаратцы, панджабцы и др.) составляют значительную часть действующей в Западной Бенгалии буржуазии, особенно крупной. Говоря о разнородном национальном составе крупных предпринимателей в этом штате, Ашок Митра отмечал, что нигде в Индии, кроме, может быть, центральных министерств в Нью-Дели, не представлена вся страна с такой полнотой, как в торгово-промышленных палатах Калькутты [56, 21]. Влияние чужеродных капиталистов в экономической жизни Западной Бенгалии весьма велико, что вызывает большое недовольство бенгальской буржуазии.

Западная Бенгалия может служить также примером того, как между отдельными этническими группами в некоторых районах сложилось своеобразное устойчивое разделение круга профессий и занятий. Например, в джутовой промышленности Большой Калькутты нередко даже на одной и той же фабрике различные виды работ как бы закреплены за определенными этническими, а иногда также кастовыми и религиозными группами. Сходная картина наблюдается и в других сферах народного хозяйства.

В связи с этим заслуживает внимания важный и малоизученный вопрос о региональных и межнациональных различиях в кастовой структуре населения Индии (так как «набор» каст, их иерархия, характер их занятий в разных частях страны и у разных населяющих ее народов неодинаковы, и даже одни и те же касты у разных народов нередко заметно отличаются друг от друга) и о соотношении этноса и касты. Не меньший интерес представляет изучение религиозного состава отдельных народов Индии и соотношения между религиозной и этнической (в частности, языковой) принадлежностью населения различных районов страны.

Этнолингвогеография Индии и формирование экономических районов. Этноязыковой состав населения Индии через посредство ее административно-территориального деления (в особенности ее федеративного устройства) оказывает огромное воздействие на развитие экономических районов в стране. Исследование этого вопроса, стоящего на стыке этнолингвогеографии, с одной стороны, и экономической географии — с другой, имеет чрезвычайно важное теоретическое и практическое значение для Индии и других развивающихся стран.

Политическая и экономическая жизнь современной Индии характеризуется параллельным существованием обеих отмеченных В. И. Лениным [1, 124] тенденций в национальном вопросе, свойственных развивающемуся капитализму: пробуждением национальной жизни, сопровождающимся экономической консолидацией наций, их борьбой за административно-государственное сплочение национальных территорий, с одной стороны, и ломкой национальных перегородок и уничтожением национальной замкнутости — с другой. При этом в Индии первая из двух названных тенденций нередко преобладает над второй, и это накладывает заметный отпечаток на формирование и трансформацию экономических районов.

Согласно индийской Конституции решающие позиции по наиболее существенным вопросам, имеющим общегосударственное значение

(в том числе многие важнейшие рычаги регулирования хозяйственной жизни в стране), сосредоточены в руках центральных властей. Тем не менее анализ положений Конституции Индии и практики реализации этих положений приводит к выводу, что штатам Индии предоставлены важные и многообразные полномочия в самых различных сферах политики и экономики. Это определяет значительные масштабы, разносторонность деятельности правительств штатов и большее влияние, оказываемое ими на местную хозяйственную жизнь.

Перестройка административно-территориального деления по национально-языковому принципу, проведенная в независимой Индии, имела первостепенное экономическое и политическое значение. Реорганизация штатов повлекла за собой определенный сдвиг в реальном соотношении сил между центром и штатами в пользу последних. Многие крупные народы и некоторые мелкие получили «свой» штат, представляющий не просто административную единицу, а территориально-политическое образование соответствующего народа. Национальные устремления этих народов оказались непосредственно связанными с развитием и укреплением «своих» штатов. Более того, реорганизация штатов, проведенная под напором национальных движений, порожденных становлением наций в Индии, в свою очередь, сама дала новый мощный импульс дальнейшей консолидации нации. Благодаря своему национальному характеру новые штаты стали более монолитными и стабильными. Под их автономию была подведена гораздо более прочная политическая и экономическая база.

В этих условиях штаты стали не только стремиться к полной реализации всех прав, закрепленных за ними Конституцией, но и активно добиваться перераспределения полномочий и сфер компетенции органов власти Союза в пользу органов власти в штатах, требовать предоставления им более значительных финансовых средств, права проводить более независимую хозяйственную политику и т. д. Стремление штатов к ускоренному и всестороннему экономическому развитию нередко принимает форму тенденции к автаркии и вступает в конфликт с политикой и планами центра. Правительство Индии вынуждено принимать во внимание требования штатов, и, например, в некоторых случаях выбор места сооружения крупных хозяйственных объектов в государственном секторе, их величина, очередность и темпы строительства определяются в конечном счете не столько технико-экономическими, сколько политическими факторами.

С другой стороны, нынешняя система государственного регулирования экономики в Индии в значительной степени основывается на федеративной структуре: штаты выступают в качестве основных единиц общендийского регионального планирования.

Реорганизация штатов имела своим следствием совмещение и взаимное усиление влияния национального и административно-политического районообразующих факторов — оба они стали действовать в одних и тех же пространственных рамках и стали играть по отношению друг к другу роль своеобразных катализаторов. В результате их объединенное воздействие на процесс формирования экономических районов усилилось. Оба названных фактора накладывают заметный отпечаток на формирование региональных различий в экономическом базисе страны: на изменение соотношения между различными социально-экономическими укладами в разных районах, на развитие капитализма в стране, на развитие и размещение производительных сил, на складывание порайонной специализации народного хозяйства, на формирование территориального разделения труда, региональных осо-

бенностей аграрного строя, особенностей социальной структуры населения и т. д. Происходят или намечаются важные изменения районобразующей роли многих крупных городов страны (в частности, морских портов): под воздействием федеративной территориальной структуры меняются абсолютная и относительная величина их хозяйственного потенциала, характер их соподчинения, величина и конфигурация зон их экономического влияния и тяготения; появляются новые города как следствие реорганизации штатов.

Федеративное устройство в настоящее время способствует сохранению и закреплению уже существующих экономических, социальных, этнических, политических различий между штатами, а в некоторых случаях даже их углублению и формированию новых различий. Напротив, внутри самих мононациональных штатов происходит стирание некоторых внутренних региональных различий, в результате чего отдельные штаты в экономическом отношении становятся внутренне более однородными. С другой стороны, по мере дальнейшего роста производительных сил в каждом отдельном национальном штате складывается и все более упрочивается общность хозяйственной жизни, усиливается экономическая консолидация наций.

Анализ положения в Индии позволяет сделать вывод о том, что ни разнородный этноязыковой состав населения *сам по себе* (если отдельные народы не имеют своих автономных административно-территориальных единиц), *ни само по себе* административно-территориальное деление, в частности федеративное устройство, страны (если оно не построено на этноязыковой основе) не оказывают такого большого воздействия на формирование экономических районов, как в том случае, когда оба эти фактора приведены в соответствие друг с другом. Современные границы штатов, словно некая жесткая решетка, как бы «наложились» на стихийный процесс районобразования и, не меняя его стихийного характера, вполне определенным образом воздействуют на него, пространственно его направляют. Можно говорить о явно выраженной тенденции к складыванию экономических районов на базе национальных штатов, многие из которых (одни в большей степени, другие в меньшей) уже обладают рядом существенных признаков экономического района. Во всяком случае, сейчас трудно представить себе систему генерального интегрального экономического районирования Индии вне существующей федеративной структуры страны.

Однако в то же время необходимо видеть и другой аспект проблемы. С одной стороны, в ходе реорганизации штатов политическая и хозяйственная автономия была предоставлена не *экономическим* районам (очерченным в соответствии с той или иной научной экономической концепцией или с какими-либо практическими хозяйственными нуждами), а *национальным* территориям. С другой стороны, влияние национального и административно-политического факторов, как бы велико оно ни было, все же не является всеобъемлющим. Поэтому в Индии процесс формирования экономических районов не совсем укладывается в «прокрустово ложе» федеративных границ, и было бы неправильно без оговорок называть национальные штаты Индии экономическими районами (если вкладывать в последнее понятие тот смысл, который имеется в виду при районировании унитарных государств или федераций с однородным национальным составом населения, а также при переходе к следующим, более низким таксономическим этапам районирования самой Индии — к районированию самих национальных штатов). В специфических условиях Индии штаты представляют особую разновидность регионального деления, которой трудно найти ана-

логию в других странах и сущность которой лучше всего можно передать термином «административно-экономический» или, что для большинства из них еще более точно, «административно-национально-экономический район».

Следует подчеркнуть, что абсолютная и относительная сила районобразующего воздействия трех рассматриваемых факторов (административно-политического, национального и экономического), характер их взаимодействия и противоречий между ними и соответственно конечный результат — их «равнодействующая», а также тенденция будущего складывания и трансформации экономических районов не одинаковы в различных частях страны. Одни штаты представляют собой территориально-хозяйственные единицы, весьма близкие к крупным экономическим районам в обычном понимании этого термина, другие же никак нельзя считать таковыми. Примером административно-национально-экономического района, в котором все три названных компонента образуют более или менее единое целое, могут служить штаты Западная Бенгалия [см.: 25] и Керала, примером противоположного характера (среди национальных штатов) — Андхра Прадеш и Махараштра.

Проблема влияния национального состава населения Индии на формирование и трансформацию экономических районов в этой стране чрезвычайно сложна и еще недостаточно изучена в специальной литературе (некоторые важные аспекты этой проблемы рассмотрены нами в статьях: 22; 25; 59). Важный вклад в ее изучение призвана внести этническая география.

* * *

Выше мы кратко охарактеризовали основные особенности этноязыковой ситуации в Индии с географической точки зрения и определили ряд задач, стоящих перед этногеографией как наукой. Таковыми, по нашему мнению, являются: изучение национального состава населения Индии и составление комплексных этногеографических характеристик каждого народа страны, разработка типологии расселения народов, разработка типологии этнических районов и этническое районирование Индии, исследование связей между этногеографией и природной средой, между этногеографией и административно-территориальным делением страны, между этногеографией и экономической географией (в частности, между этническим и экономическим районированием). При этом важной формой решения этих задач может стать серия монографических исследований этноязыковой ситуации в каждом из штатов Индии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И., Критические заметки по национальному вопросу, — Полное собрание сочинений, т. 24.
2. Берзина М. Я., Карта народов Индостана, М., 1956.
3. Берзина М. Я., Народы Южной Азии (карта), — «Атлас народов мира», под ред. С. И. Брука и В. С. Апенченко, М., 1964.
4. Берзина М. Я., Народы Южной Индии и Цейлона (карта), — там же.
5. Берзина М. Я., Народы Северной Индии и Непала (карта), — там же.
6. Ганковский Ю. В., Народы Пакистана (Основные этапы этнической истории), М., 1964.
7. Ганковский Ю. В., Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане, М., 1967.

8. Ганковский Ю. В., Об автономистских движениях в странах Южной Азии,— «Мировая экономика и международные отношения», М., 1970, № 8.
9. Дьяков А. М., Национальный вопрос в современной Индии, М., 1963.
10. Дьяков А. М. и Сахаров И. В., О характере этнолингвистической статистики Индии (Обзор языкового тома переписи населения 1961 г.),— «Индия — страна и народ», кн. 2, М., 1972 («Страны и народы Востока», вып. XII).
11. Дьяков А. М. и Сахаров И. В., Языковой состав населения Индии (Краткий региональный обзор по данным переписи 1961 г.),— «Индия — страна и народ», кн. 2, М., 1972 («Страны и народы Востока», вып. XII).
12. Народы Южной Азии. Индия, Пакистан, Непал, Сикким, Бутан, Цейлон и Мальдивские острова, М., 1963 («Народы мира. Этнографические очерки»).
13. Нигам Р. Ч., Языки Индии и роль переписей населения в изучении языковой ситуации в стране,— «Индия — страна и народ», кн. 2, М., 1972 («Страны и народы Востока», вып. XII).
14. Петров В. В., О современных изменениях политико-административных границ в Республике Индии,— «Ученые записки кафедр географии и экономики стран Востока», вып. 3, М., 1960 (Ин-т междунар. отношений).
15. Рой Бёрман Б. К., Некоторые особенности размещения «зарегистрированных племен» Индии,— «Индия — страна и народ», кн. 2, М., 1972 («Страны и народы Востока», вып. XII).
16. Сахаров И. В., Об изучении проблемы экономического районирования Индии,— «Проблемы востоковедения», 1959, № 1.
17. Сахаров И. В., Новое административное деление Индии,— «Страны и народы Востока», вып. I, М., 1959.
18. Сахаров И. В. и Бонифатьева Л. И., [рец. на кн.:] Княжинская Л. А., Западная Индия (М., Географгиз, 1959),— «Проблемы востоковедения», 1960, № 4.
19. Сахаров И. В., О специфике национального состава населения Западной Бенгалии,— «Индия — страна и народ», М., 1967 («Страны и народы Востока», вып. V).
20. Сахаров И. В., Миграции и некоторые особенности национального состава населения Западной Бенгалии,— «Материалы Второго межведомственного совещания по географии населения (Москва, 30 января — 4 февраля 1967 г.)», вып. II, симпозиумы четвертый и пятый», М., 1968.
21. Сахаров И. В., Уровень экономического развития и отраслевая структура народного хозяйства Западной Бенгалии (в сравнении с соседними штатами Индии),— «XXI Гершенковские чтения (Межвузовская конференция). География и геология. Программа и краткое содержание докладов. Декабрь 1968 г.», Л., 1968.
22. Сахаров И. В., Национальный состав населения и федеративное устройство как факторы формирования экономических районов в Индии,— «Экономическое районирование развивающихся стран», М., 1968 («Вопросы географии», сб. 76).
23. Сахаров И. В., Основные особенности этнолингвостатистики Индии (Доклад на I Всесоюзной конференции индологов. Москва, декабрь 1970 г.), Л., 1970.
24. Сахаров И. В., Основные особенности этногеографии Индии,— «География и развивающиеся страны (Проблемы использования природных и трудовых ресурсов). Тезисы докладов (29 января — 3 февраля 1971 г.)», М., 1970.
25. Сахаров И. В., Западная Бенгалия как административно-национально-экономический район,— «XXIV Гершенковские чтения. География и геология. Краткое содержание докладов», Л., 1971.
26. Сахаров И. В., Явление территориальной непрерывности (гибридности) как проблема этнической географии (на примере Индии). Доклад на симпозиуме «Проблемы географии населения и поселений». 5—10 октября 1971 г. (Варна, Болгария), Л., 1971.
27. Спейт О. Х. К., Индия и Пакистан. Общая и региональная география, М., 1957.
28. Чернышев В. А., К вопросу о формировании национальных языков в Бихаре (на примере майтхили),— «Языковая ситуация в странах Азии и Африки», М., 1967.
29. Чернышев В. А., К вопросу о специфике языковой ситуации в областях распространения хинди,— «Народы Азии и Африки», 1968, № 2.
30. Чернышев В. А., Диалекты и литературный хинди, М., 1969.
31. Шапошникова Л. В., Борьба народов Индии за национальное самоопределение и реорганизацию штатов (1950—1956),— «Индия и Афганистан», М., 1958.
32. Юревич Л. И., Борьба народов Индии за реорганизацию штатов на национальной основе (1947—1956 гг.),— «Ученые записки кафедры истории стран Востока», вып. I, Вопросы истории стран Востока (Ин-т междунар. отношений), М., 1958.
33. Юревич Л. И., Нагаленд (К истории создания нового штата Индии),— «Экономика и история Индии и Пакистана», М., 1966.
34. Annual Survey of Industries 1960, vol. I, Calcutta — Delhi, 1963.
35. Bose N. K., Calcutta: a Premature Metropolis,— «Scientific American», 1965, vol. 213, № 3.

36. Bose N. K., A Social Survey of Calcutta,—«Science and Culture», 1965, vol. 31, № 12.
37. Bose N. K., Calcutta: 1964. A Social Survey, Bombay, 1968.
38. Chandra Sekhar A., Regional Variation in Development as Reflected by Certain Population Characteristics in Andhra Pradesh, India. [Paper Submitted to the] 21st International Geographical Union Congress—Pre-Congress Symposium S/21, «Population Geography», New Delhi (27th—30th November, 1968), New Delhi, 1968.
39. Census of India. 1951, vol. VI. West Bengal, Sikkim, Chandernagore, pt I-A. Report, by A. Mitra, Delhi, 1953.
40. Census of India, Paper № 6.—1955. Working Population in Calcutta Industrial Region—Distribution by Industry, Place of Birth and Educational Attainment—1951 Census, Delhi, 1958.
41. Census of India, Paper № 1 of 1962, Final Population Totals—1961 Census, Delhi, 1962.
42. Census of India 1961, vol. I. India, pt I-A(i). Levels of Regional Development. Text, by A. Mitra, Delhi, 1965.
43. Census of India, 1961, vol. I. India, pt I-A(ii). Levels of Economic Development. Tables, by A. Mitra, Delhi, 1966.
44. Census of India, 1961, vol. I, Indiz, pt II-C(ii). Language Tables, Delhi, 1964.
45. Census of India 1961, vol. I, India, pt V-A(ii). Special Tables for Scheduled Tribes, Delhi, 1966.
46. Census of India 1961, vol. VIII. Madhya Pradesh, pt V-A(ii). Special Tables for Scheduled Tribes, Delhi, 1966.
47. Census of India 1961, vol. X. Maharashtra, pt V-A. Scheduled Castes and Scheduled Tribes in Maharashtra, Delhi, 1964.
48. Census of India 1961, vol. XVI. West Bengal and Sikkim, pt II-C(i). Social and Cultural Tables, Delhi, 1965.
49. Census of India 1961, vol. XVI. West Bengal and Sikkim, pt II-C(ii). Migration Tables, Delhi, 1966.
50. Davis K., The Population of India and Pakistan, Princeton, 1951.
51. Distribution of National Income by States 1960—61, New Delhi, 1965.
52. Grierson G. A., Linguistic Survey of India, vol. I—XI, Calcutta, 1902—1929.
53. Income and Structure of Manufacturing Industry 1960—61 (A Statewise Analysis), New Delhi, 1964 (NCAER. Occasional Paper № 8).
54. Inter-District and Inter-State Income Differentials—1955/56, New Delhi, 1963 (NCAER. Occasional Paper № 6).
55. Kelkar A. R., Studies in Hindi—Urdu, vol. I. Poona, 1968.
56. Mitra A., Calcutta—India's City, Calcutta, 1963.
57. Roy Burman B. K., Structure of Bridge and Buffer Communities in the Border Areas,—«Man in India», 1966, vol. 46, № 2.
58. Roy Burman B. K., Pattern of Distribution of the Scheduled Tribes of India and its Possible Implications,—«A Collection of Papers of Dr. B. K. Roy Burman, Deputy Registrar General (Social Studies)», [6. r., 6. m.].
59. Sakharov I. V., Ethnic Composition of the Population and the Federative Structure as Factors of the Formation of Economic Regions in India,—«Problems of Economic Regionalisation in the Developing Countries», Moscow, 1968.
60. Sen S. N., The City of Calcutta. A Socio-Economic Survey 1954—55 to 1957—58, Calcutta, 1960.
61. West Bengal Labour Year Book, 1958, [6. m.], 1960.